19484 V

9484 7×2 751

Владимірь Ягоднинь.

9-303

рошлаго Опонецкаго края.

(Историческій очеркъ).

Часть І.

нежская пятина. (IX и XIV в. з.).



Электро-типографі-

NPOSEPENO

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Чтобъ быть современнымъ человѣкомъ, нало разсматривать настоящее сквозь призму прошедшихъ вѣковъ.

Оскаръ Уайльдта.

Кто не знакомъ съ именемъ «Обонежской иятины», этой древней и обширной землей, богатой самыми разнообразными естественными богатствами и входившей когда то въ составъ Великой «Новгородской Вольной Общины?»

Кто не знаетъ «Кореліи», извъстной въ скандинавскихъ сагахъ подъ именемъ «Коріоландіи», — страны родоначальника финскихъ героевъ— «Калевы» и родины фантастической финской поэмы «Калевалы?»

Кто не слыхаль о полусказочной, давно уже минувшей странъ «Біарміи»,—странъ, жители которой—біармійцы были въ близкомъ родствъ съ племенемъ, восцъвшимъ въ «Калевалъ» своихъ національныхъ героевъ?

Все это—одна и та же таинственная страна, гдѣ за безконечными равнинами, за лукоморьемъ жили и миоическіе Гипербореи, о которыхъ еще въ первомъ вѣкѣ по Р. Хр. знаменитый римскій историкъ Тацитъ произнесъ ха-



рактерныя слова: «безопасные отъ людей, безопасные отъ боговъ, люди этихъ странъ достигли самато труднагоотсутствія желаній».

Здёсь же за северными горами, какъ сообщаетъ легенда,—находился и тотъ «рай земной», который видёли предпримчивые Новгородцы.

Фантазія изображала эти страны то раемъ, то достояніемъ ужасовъ и чародъйствъ.

«Тысяча озеръ» этой страны, величественной своими скалами, горными ущельями, дремучими лъсами, водопадами и полярной ночью на крайнемъ съверъ (въ Лапландіи) окружены столь безграничной фантазіей, что «никому невъдомый» раньше нашъ Олонецкій край, дремавшій такъ долго и странно, становится теперь тъмъ неизвъданнымъ «кладомъ», къ которому, какъ къ цъломудренной дъвъ, съ вожедъленіемъ рвутся представители самыхъ различныхъ разбойныхъ имперіализмовъ, чтобы своими грязными, обагренными въ крови руками урвать хоть что-нибудь «лакомое» изъ дъвственныхъ нъдръ этого, еще непочатаго края.

Когда то «безопасная отъ людей и боговъ» страна, наша Олонія становится въ настоящее время ареной безпощадной и упорной борьбы нѣмецкихъ, финскихъ и англійскихъ имперіалистовъ, а потому быть въ моментъ этой «мертвой схватки» въ состояніи людей, обладающихъ, хотя и труднымъ, но обломовскимъ качествомъ» отсутствіемъ желаній» болье, чѣмъ преступно.

Оживить въ сознаніи потомковъ новгородцевъ «Страны родной минувшую судьбу» и ея героическое прошлое, пробудить «желанія» и помочь «осознать себя» это и составляеть цёль и задачи настоящей книги.

Владимиръ Ягодкинъ.

30 мая 1918 106а. г. Петрозаводскъ.

Изъ прошлаго Олонецкаго края.

1) Разселеніе славянскихъ племенъ

Въ эпоху великаго переселенія народовъ, вызванную цёлымъ рядомъ посл'єдовательныхъ вторженій въ Россію и Европу азіатскихъ племенъ германскаго и тюрко-татарскаго происхожденія, какъ то-готовъ, гунновъ, аваровъ, угровъ, хозаровъ и др., —славянскія племена, тёснимыя азіатскими полчищами, съ м'єстъ первоначальнаго своего разселенія-Карпатскихъ горъ и съ береговъ р'єкъ Дуная, Прута, Серета, Буга и Дн'єстра-вынуждены были искать для себя новыхъ м'єстъ, для своихъ поселеній.

А такъ какъ пришлые азіатскіе кочевники, проникая черезъ Уралъ или Кавказъ въ Черноморье, держались вблизи отъ Черноморскихъ береговъ въ степной полосѣ, удобной для кочевья, и не заходили далеко на сѣверъ въ лѣсныя пространства нынѣшней средней Россіи-то восточная вѣтвь славянскихъ племенъ-русскіе славяне (уже къ VII вѣку) стали разселяться въ этой средней лѣсистой полосѣ нынѣшней Россіи-на берегахъ рѣкъ верхняго и средняго Днѣпра, Волги, Камы, Оки и оз. Ильменя.

Лъсъ послужилъ для нихъ естественной защитой отъ окончательнаго разгрома пришлыхъ азіатскихъ ордъ.

Въ мъстахъ своихъ новыхъ поселеній русекимъ славянамъ пришлось столкнуться и войти въ непосредственное соприкосновеніе съ жившими тамъ финскими племенами,-чудь, весь, емь, эсты, мордва, черемисы и пр.

Разрозненные и не имъвшіе никакого внутренняго устройства, слабые финскіе народцы должны были или подчиниться, ассимилироваться (слиться) съ славянами, или, сохраняя свою независимость, оставить и бросить на-всегда свои прежнія, насиженныя мъста.

Замътнаго сопротивленія русскимъ славянамъ финны не оказывали. Лишь изръдка тамъ, гдъ финскіе жрецы-шаманы (по старому русскому названію «волхвы» и «кудесники») поднимали свой народъ на борьбу, финны становились противъ русскихъ, но эта борьба кончалась не-измънной побъдою славянства. Въ VIII-IX в.в. началось неуклонное обружьніе финновъ, которое продолжалось вплоть до нашихъ дней.*)

Изъ чувства собственнаго самосохраненія, часть финскихъ племенъ, не желая подчиниться славянамъ, предпочла уйти съ своихъ прежнихъ насиженныхъ мъстъ и стала углубляться все

дальше и дальше на сѣверъ и сѣверо-западъ, гдѣ въ суровой странѣ озеръ, болотъ, лѣсовъ и тундръ можно было найти для себя вполнѣ надежное убѣжище.

Нынъшняя Финляндія и есть та единственная страна, гдъ сохранились эти гордые остатки финновъ, не пожелавшіе примириться съ потерей своей національной независимости.

Въ своемъ движеніи на сѣверъ-въ нынѣшнюю Финляндію-часть изъ финскихъ племенъ корелы, чудь, емь и др.-повидимому и осѣли тогда на берегахъ Онежскаго озера, гдѣ уцѣлѣвшіе остатки ихъ можно встрѣтить и въ настоящее время.

По даннымъ мѣстнаго Статистическаго Комитета на первое января 1913 года въ Олонецкой губерніи числилось 448327 жителей обоего пола; изъ нихъ русскихъ—78,2%; корель—16,3%, чудь—4,4% и другихъ—1,1%.

По даннымъ же статистики за 1917 годъ, въ Олонецкой губерніи насчитывалось—465000 жителей, а изъ нихъ финновъ 21,40/0,*

2). Олонецкій край въ доисторическое время.

Переходя къ изложению древнъйшей истории Олонецкаго края, нельзя не остановиться нъсколько на доисторическихъ временахъ изъжизни его.

^{*)} Проф С. Ф. Платоновъ "Лекціи по Русской Исторіи 1913 г. стран. 49-57.

Проф. А. И. Яцимирскій (Варш. Ун.) Славянскія древности Студенческія записи 1914 года.

^{*)} См. В. Бриліантов. Брош. "Вся земля-только трудовому «крестьянству* 1917 г.

Необходимыя свёдёнія по этому вопросу даетъ намъ археологія, наука, сообщившая очень много цённыхъ данныхъ о первоначальныхъ поселеніяхъ до-историческаго человёка.

Въ отношении къ мѣстному краю очень любопытно и интересно въ археологическомъ отношении найденное во время работъ надъ Сясскимъ каналомъ около Ладожскаго озера, у Новой Ладоги-неолитическое поселеніе, изслѣдованное и описанное проф. Иностранцевымъ въ изданной имъ книгѣ «До-историческій человѣкъ каменна-го вѣка побережья Ладожскаго озера».

Въ этомъ неолитическомъ поселеніи — стоянкѣ *) приладожскаго первобытнаго человѣка-найденъ былъ обычный наборъ орудій, относящихся къ каменному вѣку, какъ то: нешлифованные скребки и наконечники стрѣлъ шлифованные топоры, долота, а также издѣлія изъ глины.

Больщой запасъ подобныхъ же находокъ-остатковъ орудій «людей каменнаго вѣка»—былъ сдѣланъ и въ Олонецкой губерніи, гдѣ, начиная съ 60 годовъ XIX столѣтія, собираніемъ этихъ «каменныхъ издѣлій» занимались—Бутеневъ, Рыбниковъ, Лерье, Поляковъ и вышеупомянутый проф. Иностранцевъ.

Сравнивая Олонецкія находки съ находками на Сясскомъ каналѣ, проф. Иностранцевъ отмѣтилъ почти полное ихъ сходство-одинаковый орнаментъ на глиняной посудѣ и одинаковая обра-

ботка инструментовъ, что несомивно свидвтельствуетъ о твсной связи приладожскаго человвка. съ нашимъ Олонецкимъ до-историческимъ человвкомъ.

Остатки каменныхъ орудій въ Олонецкой губерніи были найдены-на Лундозерѣ, Тудозерѣ, Кенозерѣ, Кумбас-озерѣ, Логмозерѣ, Машезерѣ, Сямозерѣ, Вагатъ-озерѣ, у устья р. Муромки, на берегу Онежскаго озера, въ трехъ верстахъ отъ р. Ошты и въ другихъ мѣстахъ.*)

Всѣ археологическія находки въ означенныхь мѣстахъ дѣлаютъ для насъ несомнѣннымъ, что еще въ глубокой до-исторической древности въ неолитическій періодъ на почвѣ Олонецкъй губерніи жилъ и дѣйствовалъ первобытный человѣкъ. Въ 1877-79 г.г. извѣстный изслѣдователь финскихъ народовъ Д. Европеусъ, при раскоикѣ приоятскихъ и присвирскихъ кургановъ, дѣйствительно нашелъ могилы первобытнаго человѣка, указывающія на заселеніе края въ дочисторическую эпоху.

Къ этому древнему времени по своему происхождению относятся «въроятно» и замъчательныя въ археологическомъ отношении групповыя изображения на гранитныхъ скалахъ—мысахъ: Пери—Носъ и Бъсовъ—Носъ, в 35 верстахъ отъ г. Пудожа, вблизи дер. Бъсоносовской.

[&]quot;) Неолитическую эпоху одни ученые относять за 2100 льть другі е-за 5500 льть, а нъкоторые даже за 5000 л. до Р. Хр.

^{*) &}quot;Извѣстія Общ. Изученія Олон. Губ." № 1, 1913 г. Горн. Инж. А. Галченко "О каменномъ вѣкѣ и объ остаткахъ е̂го въ Олонецкой губерніи".

Съ незапамятныхъ временъ на этихъ скалахъ сохранились высъченныя фигуры, центральное мъсто среди которыхъ занимаетъ фигура съ изображениемъ бъса, именемъ котораго и названа скала.

Народная легенда повъствуетъ, что тутъ встарину жилъ бъсъ, а немного дальше, у Пери—Носа его супруга-бъсиха.

На групповыхъ начертаніяхъ у Пери—Носа изображены въ профилъ: люди съверные люди, съверные олени, лось, собака, лисица, бълка, выдра, лебеди, утка, журавли, рыба и непонятные символичические знаки.

Напрацивается вопросъ къ какому народу принадлежать эти рисунки?

Въ писцовой книгъ 1566 г. упоминается, между прочим, селеніе подъ названіемъ «на бъ совомъ носу», но тамъ же указывается, что деревня эта состояла въ то время изъ одного двора.

Ясно, что жители деревни, состоящей изъ одного двора, не могли произвести такую громадную работу, которая подъ силу лишь цѣлому племени, когдо то здѣсь жившему-раньше.**)

Что же это за народъ, разбросавшій по берегамъ «Онего» свои каменныя орудія и начертавшій непонятнымъ языкомъ изумительныя надписи и символическія фигуры на гранитныхъ скалахъ Олоніи?

На основаніи краніометрическихъ изм'єреній десяти череновъ приладожскаго первобытнаго челов'єка (долихо и субдолихо-цефалическихъ), найденныхъ проф. Иностранцевымъ, можно предполагать, что эти черена бол'є приближаются це къ черенамъ корелъ и лопарей (брахицефалическихъ), а къ черенамъ—вогулъ и остяковъ (долихоцефалическихъ.*)

Однако, хоть сколько-нибудь освѣтить этотъ вопросъ-вопросъ о томъ были ли финскіе народцы-вогул и остяки тѣмъ племенемъ, къ которому принадлежалъ Олонецкій до-историческій человѣкъ, нужны еще многочисленныя находки и изслѣдованія.

Къ сожалѣнію, череповъ «людей каменнаго вѣка» въ Олонецкой губерніи пока еще нигдѣ не обнаружено, а потому этотъ вопросъ остается не рѣшеннымъ и требуетъ соотвѣтствующихъ археологическихъ и антропологическихъ изысканій.

3). «Корелія» или «Киріоландія».

Дошедшія до насъ историческія свѣдѣнія первоначальными обитателями Олонецкаго края называють—лопарей, самоѣдовъ, корелъ, чудь и др.

^{**) &}quot;Извѣстія Общ. Изученія Олон. Губ." № 1-?, 1914 г. А. Шидловскій "До-историческія памятники на восточномъ берегу Онежскаго озера."

^{*) &}quot;Извѣстія Общ. Изученія Олон. Гуа." № 1, 1913 г. Горн. Инж. А. Галченко "О каменномъ вѣкѣ и объ остаткахъ его въ Олонецкой губерніи."

Преобладающимъ по численности племенемъ было племя-корелы.

Въ старину они жили по западному и восточному берегамъ Ладожскаго озера, къ сѣверу отъ рѣки Свири и въ Архангельской губерній, гдѣ и теперь еще въ 34 вер. отъ Архангельска находится такъ называемый «Корельскій» монастырь.

Отъ корелъ и называлась въ старину (до-IX-XI вѣка. т. е. до времени Новгородской колонизаціи) мѣстность отъ финскаго залива до-Бѣлаго моря «Кореліей», или по скандинавски «Киріоландіей».

Въ первый разъ имя «Корелъ» встръчается въ исторіи Олонецкаго края въ 1142 году, когда упоминается, что корелы вмъстъ съ ладожанами разбили финляндцевъ, грабившихъ Ладожскую область.*)

Жийи ли корелы въ предвлахъ нынвшней Олонецкой губ.-въ эпоху великаго переселенія народовъ на великой Россійкой равнинв и давно ли они, вообще, вступили на почву Олоніиразрвшить этотъ вопросъ при современномъ состояніи историческихъ знаній о жизни Олонецкаго края-представляется пока двломъ довольно затруднительнымъ.

Правда,-по словамъ проф. И. Н. Козловскаго,—народныя финскія легенды, вспоминая объ упорной борьбъ, которую пришлось вынести финнамъ съ русскими, разсказываютъ намъ хотя и отрывочно, что тогда, множество сыновъ финскаго племени было истреблено непріятелемъ, множество дѣвъ было уведено въ плѣнъ, многіе бѣжали на сѣверъ, а остальные, сдѣлавшись измѣнниками, протянули руку новымъ пришельцамъ и даже заключили съ ними союзъ»

Такимъ образомъ народныя пѣсни, какъ будто, даютъ понять, что ожесточенная борьба финновъ съ русскими, будучи неудачной для первыхъ, послужила главной причиной того, что ,, многіе" изъ финновъ "бѣжали на сѣверъ".

А это свидѣтельство какъ бы подтверждаетъ ту мысль, что финны и корелы не были аборигенами края и что если они и шли на сѣверъ, то исключительно педъ давленіемъ русскихъ.

Къ сожалънію, этотъ вопросъ остается пока открытымъ. Есть лишь свъдънія о томъ, что почти одновременно съ корелами жили въ Олонецкомъ крат въ древнее время также лопари и самоъды.

Въ финскихъ народныхъ легендахъ, — по словамъ того же проф. И. П. Козловскаго въ его литографированныхъ "Запискахъ по древней Русской Исторіи", — говоритея, что своими набъгами лапландцы неръдко безпоконли финновъ, часто нападая на ихъ поля и, какъ говорится въ пъсняхъ похищая ихъ сокровище — Сампо. (Сампо, это-съверное сокровище тали-

^{*).}Олонепкій сборникъ 1902 г. Я. Елпидинскій. Корелы въ Оленецкой епархіц.

сманъ,-которое приносить счастье тому, у кого оно находится).

Къ сожалѣнію, о лопаряхъ и самоѣдахъ въ моментъ ихъ первоначальнаго разселенія въ Олонецкой губерніи сохранились самыя скудныя историческія свѣдѣнія.

Лишь въ XIV ст. есть о нихъ опредъленныя историческія указанія въ завъщаніи Лазаря Муромскаго, основателя Муромскаго монастыря, находящагося въ 25 вер. къ югу отъ Бъсова-Носа, на берегу Онежскаго озера.

Въ этомъ завъщании говорится:

"А живущія тогда именовались около озера Онега "лопяне" и "самоядь—страшливыя сыроядцы близъ мѣста сего живяху.. много скорби и біенія и раны претерпѣхъ отъ сихъ звѣрообразныхъ мужей".

Впрочемъ, то же завъщаніе Лазаря Муромскаго отмъчаетъ, что въ томъ же XIV столъліи "лопяне и самотды удалились съ береговъ Онега въ предълы океана-моря".*)

Однако, память о лопаряхъ сохранилась въ Пудожскомъ увздв въ названіи "Лопскимъ" полуострова, на которомъ въ 1552 г. построенъ Кожеозерскій монастырь, а также въ названіи "Лопскими 7 погостовъ Повенецкаго увзда. Эти "лопскіе погосты" упоминаются, между прочимъ въ граматахъ 1651—1686 г.г. Впрочемъ

И. Кондратьевъ утвержаетъ, что Повънецкій уъздъ называетоя "Лопскимъ" лишь корелами и названъ онъ такъ Олонецкими корелами потому что Повънецкіе корелы живутъ въ сторонъ отъ Олонецкихъ; слово "лаппи" И. Кондратьевъ производить отъ слова "лаппъ эсъ" что значитъ "въ сторонъ живу"*).

О степени к ультурнаго развитія тогдашнихъ лопарей и самовдовъ говорить одна сохранившаяся древнерусская соловецкая рукопись XVI въка.

Вотъ что гласить эта съдая старина:

"Древле быша сіи родове, яко звъри дикіе, живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разселинахъ каменныхъ, неимуще ни храма, ни инаго, потребнаго къ жительству человъческому, но токмо животнымъ питахуся, звърьми и птицами и морскими рыбами, одежда же... кожа еленей тъмъ бяше;—ими же кто когда чрево насытить, того они и Бога сопоставляще и аще иногда каменіемъ звъря убіетъ, камень почитаетъ, и аще палицею поразить ловимое, палицу боготворитъ".

Въ томъ же почти крайне неразвитомъ состоянін, доходящемъ до фетишизма, находятся Лопари и Самобды и донынъ.

По свидътельству Е. В. Барсова, самовды въ 1878 г. встрътили одного изъ нашихъ молодыхъ изслъдователей точно также, какъ иъ-

^{**/ &}quot;Извѣстія Общ. Изученія Олон. Губ." №№ 1—2. 1914 г. А. Шидповскій "До-историческіе памятиики на восточномъ берегу Оножскаго сзера".

^{*)} Е. М. Прилежаевъ къ исторіи города Олонца и его окрестностей 1891 г.

когда отнеслись они и въ XVI ст. къ иноку Лазарю Муромскому.

Въ настоящее время лопари и самовды живутъ въ Лапландіи, близъ Мурманскаго берега.

Интереснъйшее описание современнаго лопарскаго жилья мы находимъ въ книгъ К. Случевскаго "По съверу Росси" (1886) г.

"Чумъ, лопарскій чумъ, это одинъ изъпервообразовъ человъческаго жилья,-говорить К. Случевскій. — Примънившись къ мъстности, какъ примъняется грибъ, когда онъ растетъ между кореньями, потягиваясь къ свъту и теплу, пріютился чумъ въ глубокой расщелинъ скалы, между навороченными отъ въка, камнями, защищенный ими ото всякихъ вътровъ. Чумъ-вязанка жердей; съ одного конца, сверху, онъ связаны такъ, чтобы между концовъ оставалось небольшое отверстіе для выхода дыма; съ другаго концы жерди раздвинуты по кругу и понатываны въ землю, въ мохъ, въ расщелины между камнями. Поверхъ этихъ жердей наложенъ слоемъ гдъ дернъ, а гдъ и досочки: на мъстахъ менъе прочныхъ настлана оленья шкура, и все это скрыплено односъ другимъ, чимъ Богъ послаль: веревочкой,-прутьями, плетенкой морской травы. Чумъ этот-полная собственность лопаря.

Подобныя мъста по побережью насиживаются какъ мъста нищихъ у той или другой изъ папертей церковныхъ. На зиму лопарь уйдетъ въ свое зимнее становище; состоящее тоже изъ чумовъ, только покрупнъе, и расположенное гдъ-

нибудь по близости, на матерой землѣ; онъ захватитъ съ собою то, что поцѣннѣе: образочки, оленьи шкуры, посудину; онъ вытащитъ на берегъ свою лодченку, оставитъ свой чумъ до слѣдующей весны и вернется къ нему въ полной увѣренности, что никто другой не займетъ его»...

Внутренность чума гораздо прочиве и пріятиве его вившности: оленьи шкуры были разосланы на землв; прямо противъ входа, мелькая изъ за дыма костра, разведеннаго посредиив, видивлись ивсколько образочковъ, створней, поставленныхъ на почетное мѣсто, на низенькую скамеечку; небольшая кошка-одно изъ пріятившихъ достояній лопаря-присосвдилась къ нимъ. На жердяхъ висвло большими комьями вяленое мясо. Лопарь объяснилъ, что его пищу составляеть не одна только рыба, но и это мясо.» (К. Случевскій. По свверу Россіи". Часть П стран. 92—93).

Такимъ образомъ, изъ описанія К. Случевскаго видно, что и современный лопарь, живя въ чумахъ, ютящихся въ глубокихъ "расщелинахъ скалъ" между "навороченными отъ въка» камнями живетъ почти въ такихъ же точно «каменныхъ разселинахъ», въ какихъ жилъ и лопарь XVI столътія.

А это безусловно свидътельствуетъ о низкой степени культурнаго развитія лопарскаго племени, даже въ XX въкъ.

Нечего и говорить о лопарѣ XVI столѣтія. Недаромъ, въ духовномъ завѣщаніи Іоанна Грознаго (ок. 1504.) лонари награждаются такими эпитетами, какъ «лонь дъшая» и «лонь дикая», а въ завъщании Лазаря Муромскаго вмъстъ съ самоъдами они именуются «страшливыми сыроядцами".

Какъ и самоъды, лопари издавна были язычниками и боготворили все, что имъ нравилось и чего они боялись; питались же они сырымъмясомъ дикихъ звърей и птицъ, а также рыбой. Сейчасъ лопари большею частью-христіане; самоъды же и въ наши дни-все еще язычники, поклоняющеся фетишамъ-истуканамъ изъ камия и дерева.

Жившіе нъкогда въ предълахъ «Обонежской пятины», въ настоящее время лопари и самотры въ Олонецкой губерніи не живуть: частью они или слились съ русскими и корелами, а частью или вымерли, или переселились въ Архангельскую губернію. Лопари или лапландцы живутъ и до нынъ у Мурманскаго берега съвернаго Ледовитаго океана, на Кольскомъ полуостровъ, а самотры населяютъ тундры восточной половины Архангельской губерніи.

За исключеніемъ лопарей и самовдовъ въ Олонецкомъ крав жило въ древности и родственное кореламъ финское племя-Чудь.

Завъщание Лазаря Муромскаго указываетъ Чудь аборигенами восточнаго берега Онежскаго озера, а присловье, данное Каргополамъ, и «Чудь бълоглазая» относить ихъ существование еще далъе къ съверо-востоку. Судя по преданіямъ, сохранившимся въ Каргопольскомъ убздѣ, главное гнѣздо Чуди было въ восточной его части.

Такъ, въ Шалякужскомъ приходъ указываютъ на поле, называемое могилищемъ, гдъ были похоронены тёла Чуди. Въ Лимскомъ приходъ разсказываютъ, что Чудь нападала на здъшнія селенія, грабила и перебивала много народа. Въ 2-хъ верстахъ отъ озера Нименскаго нар. Нименгъ, говорятъ, жила Чудь и указываютъ на груды камня и кирпича. Въ Надпорожскомъ приходъ, не далеко отъ церкви, есть небольшое ровное мъсто, которое и теперь называется Бълоглазово, потому что тутъ жила «Чудь бѣлоглазая». Въ Лелемскомъ приходъ находится отдъльное кладбище, подлъ самой церкви, на небольшомъ бугръ, поросшее толстымъ осинникомъ, который, по какому то повърью, никъмъ не истребляется; здъсь тоже говорять: похоронена Чудь. О ней существують пословицы: Чудь въ землю ушла; Чудь живьемъ закопалась; Чудь подъ землею пропала (Д. В. Барсовъ, Объ Олонецкихъ древностяхъ).

Среди множества кургановъ, сохранившихся въ Олонецкой губерніи и служащихъ источникомъ самыхъ разнообразныхъ суевърныхъ сказаній, извъстны и такъ называемыя «чудскія могилы». Эти ямы «погибельницы»—слъды той упорной борьбы, какую вела Чудь съ направшими на нихъ славянами. Борьба эта шла не на жизнь, а на смерть; смерть вышла на долю Чуди, жизнь—на долю славянъ; въ

качествъ послъдней защиты Чудь выкапывала ямы, укрывалась въ нихъ настилками на подноркахъ, и если, отбиваясь, сидя въ этихъ ямахъ видъли они неминуемость пораженія, то разрушали подпорки, и гибли; такъ объясняютъ нъкоторые спеціалисты происхожденіе «Чудскихъ могилъ» (К. Случевскій).

По даннымъ статистики, въ 1913 году изъ общаго числа населенія Олонецкой губерніи Чудь составляла 4.4°/о. Главнымъ образомъ, Чудь распространена въ настоящее время въ Лодейно-польскомъ и Петрозаводскомъ убздахъ.*)

Чудскій языкъ весьма близокъ къ корельскому.

Къ сожалънію, о Чуди также, какъ о Лопаряхъ и Самовдахъ сохранились въ исторіи Олонецкаго края самыя скудныя историческія свёдънія.

Переходимъ поэтому къ болъе изученному племени-племени корелъ.

Это племя, какъ и прежде, такъ и теперь является по своему численному составу преобладающимъ изъ уцълъвшихъ въ Олонецкомъ крав финскихъ племенъ.

Въ 1913 году корелъ въ Олонецкой губерніи насчитывалось-16.3%. Въ вастоящее время корелы распространены главнымъ образомъ въ Олонецкомъ Повънецкомъ и Нетрозаводскомъ уъздахъ.

Корелы-племя финское. Языкъ ихъ занимаетъ средину между чудскимъ и финскимъ. Даже теперь—въ XX въкъ, послъ восмисотлътней совмъстной жизни корелъ съ русскими и обращения ихъ въ православіе, — финны и корелы понимаютъ другъ друга сравнительно легко.

Все же отрицать взіянія на корель обрусительной политики стараго Романовскаго правительства и вообще вліянія русскаго не приходится.

Въ «Руководствъ къ корельскому языку», изданномъ въ 1907 году Х. Оянсу, —авторъ этой книжки приводитъ на корельскомъ языкъ рядъ сказокъ и отрывковъ изъ Евангелія, а къ тексту прилагаетъ словарь непонятныхъ для финновъ словъ корельскаго языка. И любопытно то, что къ тексту въ 40 страницъ приложенъ и словарь почти тоже въ страницъ 40: изъ этихъ же словъ непонятныхъ финнамь, добрую половину составляютъ слова, заимствованныя изъ русскаго языка.

Всёхъ словъ заимственныхъ корелами изъ русскаго языка здёсь привести, конечно, нельзя, но вотъ часть изъ нихъ, въ русскомъ пронсхожденій которыхъ сомнѣваться не приходится: поткова (подкова), поуда (поводъ), повѣріе (повърить), пауда (правда), приміетта (примѣта), порокка (пророкъ), пуста (пустой и т. д.

Обыкновенно, одинь народь заимствуеть у другого да слова, которыя обозначають предметы или понятія, отсутствовавшія у народа

Нар. Научно-Иссл. Ин-т

БИБЛПОТЕКА

^{*)} Статистическій справочникъ. Олонецкая губернія. 1913 г.

заимствующаго. У корель же въ языкъ мы видимъ въ настоящее время много такихъ русскихъ словъ, которыми просто на просто замънены слова финскаго происхожденія. Такъ напр., корелами приняты такія слова, какъ время, върно, уйдіэ (уйти), змеа (змъя), старика (старикъ), и пр. и пр.

Чтобы полностью видёть, насколько уже замётно вліяніе на корельскій языкъ русскаго языка, приведемъ для примёра нёсколько, выраженій: «Хянъ соглассівччи (онъ согласился), Якко дядейжени, здороу (здорово, дядя Яковъ); сдёлай милость, сано мейля прауда (сдёлай милость, скажи намъ правду).*)

Однако изътого обстоятельства, что въ корельскомъ языкъ имъется въ настоящее время болъе 20% русскихъ словъ, еще не слъдуетъ, что корелы-народъ некультурный, неспособный къ самостоятельному творчеству.

Глубоко неправы тѣ, кто утверждаютъ, что якобы «корелы мало склонны къ поэзіи» и что «пѣсенъ на ихъ языкѣ нѣтъ, а только свадебныя причитанія они выпѣваютъ на своемъ нарѣчіи.

Исторія пов'єствуеть обратное.

Также, какъ финны, корелы еще въ старину имъли довольно развитую культуру.

Богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи для исторіи первобытной финской, а въ частности корельской культуры дають намь финскія народныя пѣсии, составляющія содержаніе Калевалы-этой знаменитой національной, поэмы финновь, представляющей замѣчательнѣйшій памятникъ финской народной поэзіи. Кстати сказать, лучшія изъ этихъ пѣсенъ-рунъ, входящихъ въ этотъ сборникъ финскихъ пѣсенъ-Калевалу, записаны со словъ русскихъ пѣвцовъ корелъ въ предѣлахъ Олонецкой кореліи-въ Реболѣ и Химолѣ, Повѣнецкаго уѣзда.

Калевала-финскій народный эпось, кмѣетъ слѣды глубокой древности и изображаетъ все міросозерцаніе финновъ и родственныхъ имъ корелъ, всѣ ихъ бытовыя черты, положеніе женщины, семейныя отношенія обычаи, обстановку, одежду и пр.

По словамъ И. Оленева, «величественная, грозная, непокорная, природа Финляндіи и Кореліи съ ихъ скалами, горными ущельями, дремучими лъсами, безчисленными озерами, водопадами, полярною ночью на крайнемъ съверъ (въ Лапландіи)-создали ту безграничную фантазію, которая красною нитью проходитъ чрезъ всю Калевалу и рисуетъ съ одной стороны все ничтожество человъка передъ грозными явленіями природы, а съ другой стороны его всемогущество, заключающееся въ познаніи сущности вещей.

"Герои Калевалы борются съ стихіями, при этомъ живое чувство финновъ къвнѣйшей природѣ выражается съ такой силой, какая, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей мифологіи, встрѣчается только въ поэзіи индусовъ».

^{*)} Олонецкія Епарх. Вѣдомости. 1907 г. № 21. "Руководство къ корельскому языку" Х. Оянсу.

Мѣстомъ дѣйствія героевъ «Калевалы» служить миеическая страна; Калевала т. е. страна Калевы-родоначальника финскихъ героевъ. Подъ Калевалой, повидимому, разумѣются Финляндія и Корелія. Главный герой Калевалы-Вяйнемейненъ, могучій вѣщій старецъ, пѣвецъ заклинатель и изобрѣтатель перваго музыкальнаго инструмента-Кантелэ.

Своимъ чуднымъ пѣніемъ и игрою на кантелэ онъ творитъ чудеса и приводитъ въ необычайный восторгъ не только въѣ живыя существа, но даже солнце и мѣсяцъ. Вотъ отрывокъ изъ Калевалы, который ярко изображаетъ чары его заклинательныхъ пѣсенъ.

Смёло началъ Вяйнемейненъ. Всколыхаляся озера, Задрожали горы съ мёдью, Даже камни содрогались, Со скалы скала валилась, Раздроблялися утесы.

Онъ запѣлъ, и разрослися На дугѣ Лапландца вѣтки...

Конь лапландца бѣлолобый Сталъ скалой у водопада...

Онъ поеть—и рукавицы Вдругъ становятся цвътами; Шерстяная куртка ходить Облачками въ синемъ небъ, А изъ пояса Лапландца Звъзды въ небъ запестръли.

Такимъ образомъ, пѣсни «Калевалы» рисують намъ финновъ еще въ древнее время народомъ весьма культурнымъ.

Проф, Варш. Унив. И. П. Козловскій въ своихъ «запискахъ по древней русской исторіи» (литографированныя-за 1913—14 г.) говоритъ:

«Для характеристики культурнаго состоянія финновъ особенно интересно то мѣсто въ Калевалѣ, гдѣ разсказывается о чудесномъ кузнецѣ Ильмарипенѣ, сковавшемъ для своихъ соотечественниковъ таинственное сокровище Сампо. Въ составъ своего талисмана онъ положилъ зерно ячменя, лебединое перо, траву и веретено. Отсюда мы видимъ, что финны уже въ ту отдаленную эпоху, когда зарождалась и складывалась ихъ національная и художественная эпопея-Калевала, занимались скотоводствомъ (трава), птицеводствомъ (лебединое перо), знали земледѣліе (зерно ячменя) и даже пряденіе».

Отдавая, однако, должное, культуръ корелъ и финновъ, нельзя, конечно, вдаваться и въ противоположную крайность-рисоватъ тогдашнихъ корелъ племенемъ высоко даровитымъ и высоко культурнымъ.

Есть историческія свёдёнія, сохранившія и не совсёмъ лестныя о корелахъ отзывы.

Такъ, митрополить Макарій въ 1534 г. доносиль царю Ивану Васильевичу о жителяхъ «всей Корельской земли» (а также чуди и ижоры), какъ о сохранившихъ во всей силѣ языческія върованія: «суть же скверныя молбища ихъ лъсъ и каменіе, и ръки, и блатъ, источни-

^{*)} И. В. Оленевъ. Карельскій край и его будушее въ связи съ постройкою Мурманской желѣзной дороги. 1917 г.

ки и горы, и холмы, солнце и мъсяцъ, и звъзды и озера, и просто рещи-всей твари покланяхуся, яко Богу и чтяху и жертву приношаху».*)

Такимъ образомъ, корелы, какъ и другіе первоначальные обитатели Олонецкой губерніи были въ древнее время язычниками.

Остатки языческихъ върованій и обрядовъ сохранились среди нихъ и до сихъ поръ въ Олонецкой губерніи. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ храмовой или иной праздникъ корелы, войдя въ церковь, ставятъ обыкновенно свѣчку празднику» и, не слушая церковной службы, идутъ на открытый воздухъ и около церкви варятъ барановъ, которыхъ тутъ же и съѣдаютъ, бросая кости ихъ непремѣнно черезъ крыши**)

Это, конечно, даетъ нашему духовенству поводъ къ обличеніямъ. Однако, на основаніи только патріотическихъ и «христолюбивыхъ» показаній митрополитовъ, преподобныхъ и игуменовъ, нельзя еще выносить слишкомъ суровый приговоръ кореламъ.

Языческія върованія и обряды сохранились не только среди корель, но и среди нынѣшнихъ «православныхъ христіанъ-вполнъ русскаго про-исхожденія.

На это указываютъ, напр., игрища, устраиваемыя и сейчасъ еще олончанами въ Иван скую ночь около многихъ часовенныхъ и церковныхъ рощь, напр., у ц. Лазаря Муромскаго, у часовни св, Николая на Кенозеръ, въ рощъ у дер. Авдъевской на оз. Купецкомъ и т. д., а также и пережитокъ Ильинскихъ и Макарьевскихъ жертвоприношеній въ Пудожскомъ, Каргопольскомъ и др, уъздахъ.

Священныя рощи изъ вѣковыхъ елей и сосенъ, достигающихъ иногда исполинскихъ размѣровъ (напр., при д. Лазаря Муромскаго) также имѣютъ близкое отношеніе къ древнимъ языческимъ святынямъ.*)

Очевидно, пережитки языческихъ върованій не чужды всъмъ племенамъ и всъмъ народамъ.

Объ этомъ никогда не слѣдуетъ забывать, чтобы, взявъ обличительный тонъ, не дойти до соотвътствующаго логическаго грѣхопаденія и абсурда.

Въ настоящее время «Корелія» занимаетъ всю западную половину Олонецкой губерніи и весь Кемскій увздъ Архангельской губерніи, за исключеніемъ русскихъ селеній, расположенныхъ по берегу Бълаго моря, часть Выборгской, Куопіоской и Улеаборской губ.

По переписи 1897 русскихъ корелъ, не считая корелъ финляндіи, числилось всего 205.000 душъ. Изъ нихъ грамотныхъ въ Архангельской губ.-19000 ч., Олон.-59,000 ч, Новгор.-10.000 ч., Твер.-117.000 ч.

^{*)} Пам. Кн. Олон. Губ. на 1909 г. Олонецкій край (по даннымъ мъстнаго фольклора) Н. С. Шайжина.

^{**)} Олон. Сборн. 1902 г. Я. Елпидинскій. Корелы въ Олонецжой эпархім.

^{*)} Пам. Кн. Олон. Губ. на 1969 г. Н. С. Шайжинъ Олонецкій край (по даннымъ мъстнаго фольклора).

Православныхъ корелъ въ Финляндіи, въ предълахъ Выборгской епархіи, по свъдъніямъ 1900 г., числилось 43,499 чел. О количествъ финляндскихъ корелъ-лютеранъ точныхъ свъдъній въ нашемъ распоряженіи не имъется.*)

Необходимо еще отмътить, что въ историческихъ трудахъ о «Кореліи» существуетъ два варіанта этого наименованія-«Корелы» и "Карелы". И. Оленевъ считаетъ болъе правильныъ названіе «Карелы» на томъ основаніи, что самъ корелъ именуетъ себя словомъ «карьелайнь», да и финны называютъ ихъ kasjaeaiset. Это даетъ ему поводъ "акатъ" на всемъ протяженіи его книги «Карельскій край.»

Мы же предпочитаемъ лучше чэмъ «акять» и мотивируемъ это тымъ, что слова- «корель,» «корела», «корелякъ» болье соотвытствують фонетическимь свой-«окающаго» съверно-русскаго гоствамъ вора, - чъмъ слова «карелъ и «карелія». Въдь странно было бы рекомендовать финнамъ-именовать русскихъ: «русь» и «русскій» вмѣсто существующаго у нихъ лексиконъ слова «Вянеляйне». Почему же должны говорить «карелъ», а не «корелъ, вопреки фонетинъ нашего говора. Да и не всъ. наконецъ, корелы именуютъ себя "карьелайнь». Извъстно, что Олонецкій корель называеть себя «люгвиля», а повѣнецкій—«ляппеля». Останемся же при прежнемъ наименованіи «корелъ».

4) Обснежская пятина и «Господинъ Великій Новгородъ».

Корелы, впервые упоминаемые въ русскихъ историческихъ актахъ въ 1142 году, уже тогда называются новгородскими данниками.*)

Такимъ образомъ, на зарѣ своей исторической жизни Олонецкій Край-или «Корелія»-по объимъ сторонамъ Онежскаго озера входилъ въ составъ владѣній «вольной общины Великаго Новгорода»

Обратимся же къ исторін «Новгородской земли».

Новгороду въ тъ-«съдыя времена» принадлежали громадныя пространства земли, называвшіяся тогда «землею св. Софіи» (отъ храма во имя святой Софіи).

Земля эта дълилась на цятины и области.

Къ сѣверо-востоку отъ Новгорода, по обѣимъ сторонамъ Онежскаго озера, лежала пятина Обонежская».

Такъ называлась тогда нынѣшняя Олонецкая губернія, нѣсколько ранѣе носившая еще названіе «Заонежскихъ погостовъ».

Къ съверо-западу отъ Новгорода лежала пятина-Водьская; къ юго-востоку-пятина Деревская; къ юго-западу пятина-Шелонская и, наконецъ на юго-востокъ простиралась пятина Бъжецкая.

^{*)} И Оленевъ. Карельскій край и его, будущее въ связи съ постройкою Мурманской желъзной дороги. 1917 г. стр. 121-122

^{*)} Памятная книжка Олонец. Губ. на 1909 года. "Хронолотическій указатель о корелахъ" Петра Кеппена.

Въ пятинахъ находились пригороды Новгорода:

Псковъ, Изборскъ, Великія Луки, Старая

Русса, Ладога и др.

За пятинами находились новгородскія «волости» или «земли», простиравшіяся къ сѣверу до Бѣлаго моря, а къ сѣверо-востоку и востоку къ берегамъ рѣкъ Печоры, Вычегды и Камы, а также къ Уральскому хребту, переваливая даже послѣдній. (Проф. Платоновъ).

Не было въ тѣ историческіе годы ни одной области, занятой и заселенной другими русскими племенами, равной по территоріи Новгородской землѣ.

Однако мъстность, заселенная новгородскими славянами, была чрезвычайно болотиста, лъсиста и мало плодородна, вслъдствіе чего новгородцамъ нужно было искать занятій помимо земледълія.

И новгородецъ не упалъ духомъ.

Энергичный, смёлый и предпріимчивый характерь новгородневь, близость судоходныхъръкъ и положеніе Новгорода на главномъ торговомъ пути «изъ Варягъ въ Греки-» все это создало въ Новгородской землъ благопріятныя условія для развитія торговли, промышленности и коломизаціи.

И изъ исторіи Русской намъ изв'єстно, что въ IX в'єк'в Новгородъ достигъ большойвліятельности и силы.

Несмотря на суровость съвернаго климата, обиліе влаги и отсутствіе удобной для земледьлія почвы, населеніе этого края находило много другихъ средствъ къжизни и считалось въ древней Руси наиболье зажиточнымъ.

«Основу народнаго благосостоянія-говорить проф. И. П. Козловскій, здѣсь составляли различныя естественныя богатства страны, богатой лѣсомъ пушнымъ звѣремъ, рыбой, солью и, наконецъ, желѣзомъ; послѣдняго много добывалось около Бѣлаго моря. Всѣ эти природныя богатства встрѣчались почти одинаково на всемъ пространствѣ Новгородской земли».

И немудрено, что Новгородъ сталъ крупнымъ торговымъ центромъ и достигъ того положенія, которое на языкъ тогдашнихъ грамотъ охарактеризовано тремя словами-"Господинъ Великій Новгородъ,..

Самыя раннія изв'єстія о Новгородской торговл'є относятся къ VII и VIII в. в. по Р. Хр. Эти св'єд'єнія дають намъ скандинавскія саги, въ которыхъ Новгородская область носить названіе "Гардарикъ,, что значить буквально «страна городовъ» Св'єд'єнія же о сношеніяхъ скандинавовъ съ «Гардарикомъ» относятся къ VII в. по Р. Хр.

Съ этимъ изевстіемъ скандинавскихъ сагъ вполнѣ совпадаютъ и показанія археологическихъ данныхъ, во время археологическихъ раскопокъ, произведенныхъ въ южномъ Приладожьи, найдены восточныя монеты, относящіяся къ VII вѣку.*)

^{*)} Прсф. И. П. Козповсьій. Записки по древней русской исторіи-литографированныя.

Новгородны продавали тогда нѣмцамъ-мѣха, шкуры животныхъ и моржовые клыки, поморскую соль, рыбу, медъ, деготь, поташъ, смолу.

Сначала Новгородъ былъ просто посредникомъ, но уже къ IX-X в. в. онъ сдълался главнымъ центромъ торговыхъ сношеній Россіи съ Западомъ.

По мъръ же достиженія успъховъ на торгово-промышленномъ поприщъ стала, постепенно измъняться и политическая физіономія Новгорода.

Въ началъ своей исторіи Новгородская земля по устройству своему была совершенно нохожа на другія области Русской земли.

Въ XII же въкъ, пользуясь усобицами русскихъ князей и своимъ отдаленнымъ положеніемъ отъ Кіева, главной арены дъятельности князей и ихъ дружинъ за свое преобладаніе,новгородцы внесли въ свой политическій строй два важныхъ начала, ставшія гарантіями ихъ вольности: избирательность высшей администраціи и "рядъ", т. е. договоръ съ князьями.

«Ни одинъ изъ старинныхъ городовъ древней Руси не далъ такой тревожной исторіи, какъ Новгородъ», говоритъ знаменитый русскій историкъ В. О. К лючевскій.

Нельзя поэтому пройти мимо политическаго строя Новгородской «вольной общины», тъмъ болье, что «Обонежская пятина-» нын. Олонецкая губернія-была тьсно съ ней связана.

Къ половинъ XII въка какъ намъ извъстно Новгородъ уже завоевалъ себъ широкія иолитическія права и свободу; онъ представляль изъ себя въ это время по утвержденію проф. П л ато н о в а,-демократическую республику, демократическую потому, что верховная власть въ Новгородъ принадлежала «въчу» (народному собранію), куда имъль доступъ всякій свободный Новгородскій гражданинъ, тамъ прочно утвердился принципъ выборности властей (посадника тысяцкаго, епископа и др.)

Въче въдало всю область законодательства, судъ, а также всъ вопросы внъшней политики и внутренняго устройства. Оно постановляло новые законы, приглашало князя или изгоняло его, выбирало и судило главныхъ городскихъ сановниковъ, разбирало ихъ споры съ княземъ, ръшало вопросы о войнъ и миръ и т. п.

Въче было законодательнымъ учрежденіемъ, а его исполнительными судебно-административными органами были-посадникъ и тысяцкій.

Въ Новгородъ, хотя и былъ князь, но онъ не пользовался такою властью, какой пользовались въ то время другіе русскіе князья.

Князь для Новгорода быль, какъ наемный сторожь, который должень быль со своей дружиной лишь охранять торговлю города.

«Безъ посадника ти, княже, суда не судити, ни волостей не раздавати, ни грамотъ ти даяти». Такой договоръ или «рядъ», какъ тогда говорили, заключали съ княземъ Новгородцы.

Въ случав же вражды къ князю, къ нему, какъ къ враждебной державъ, «посылали съ въча ультиматумъ, грамоту» исписавше всю вину его, «съ заключеніемъ:» поёди отъ насъ, а мы себѣ князя промыслимъ. (Проф. В. О. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Часть ІІ, 1912 г.)

Единственнымъ средствомъ у новгородскаго въче сдерживать свое правительство, когда оно по мнънію народа угрожало народному благу, быль мятежъ. Какъ извъстно, изъ исторіи средневъковой Европы къ такому средству политической борьбы прибъгалъ не одинъ Новгородъ.

Насильственнымъ путемъ часто вырабатывался тамъ и народный приговоръ, въ виду того, что рѣшеніе вопросовъ на новгородскомъ вѣчѣ,-по выраженію историка Ключевскаго,—составлялось «на глазъ, лучше сказать, на слухъ, скорѣе по силѣ криковъ, чѣмъ по большинству голосовъ».

Это создавало несогласіе съ вынесеннымъ постановленіемъ, — вѣче раздѣлялось тогда на партіи и приговоръ уже вырабатывался посредствомъ драки: осилившая сторона и признавалась большинствомъ.

Такимъ образомъ, съ самыхъ раннихъ поръмы видимъ въ Новгородъ самую оживленную борьбу политическихъ партій. До XIV въка жизнь Новгорода была ознаменована борьбою княжескихъ партій; князья тогда соперничали другъ съ другомъ изъ за обладанія Новгородскимъ столомъ.

Съ XV же въка частая смъна князей прекращается, а замътно обнаруживается соціальная рознь, борьба низшихъ бъдныхъ классовъ новгородскаго общества съ высшими богатыми. Новгородское общество дѣлится съ тѣхъ поръ на два враждебные лагеря, изъ которыхъ въ одномъ стояли «лѣпшіе» или «вятшіе» люди, какъ называетъ новгородская лѣтопись мѣстную богатую знать, а въ другомъ-люди «меньшіе», т. е. классъ бѣдный.

«Эта борьба общественныхъ классовъ,-говоритъ историкъ В. О. Ключевскій,-вызывалась тяжкой экономической зависимостью низшаго рабочаго населенія отъ бояръ-капиталистовъ. Въдняки, неоплатно задолжавшіе, спасаясь отъ долговой неволи, собирались въ шайки и съ бъглыми холопами пускались разбойничать по Волгъ, ссоря свой городъ съ низовскими князьями, особенно съ Москвой»

Эта соціальная вражда ослабляла Новгородъ и дѣлала его дегкой добычей усилившагося къ тому времени Московскаго княжества.

Смуты же, какими была паполнена жизнь Новгорода въ продолжение вѣковъ, пріучали, по утвержденію проф. Ключевскаго,—степенную или равнодушную часть общества не дорожить столь дорого стоившей вольностью города и скрѣпя сердце или себѣ на умѣ обращаться къ князю, отъ него ждать водворенія порядка и управы на своевольную вѣчевую толпу и своекорыстную знать, превратившую въ XV вѣкѣ новгородское вѣче въ свою игрушку*).

Вотъ почему въ минуту послѣдней рѣшительной борьбы. Новгорода за свою вольность

^{*)} Проф. В. О. Ключевскій. Курсъ Русской исторіи. Часть II. 1912 г.

не только Псковъ и Вятка, но и Двинская земля не оказали ему никакой поддержки или даже послали свои полки противъ Новгорода на помощь Москвъ.

Въ январъ 1478 г. при Иванъ III Новгородское государство перестало существовать; въчевой колоколъ былъ увезенъ въ Москву.

Одной изъ причинъ паденія новгородской «вольной общины» историкъ Платоновъ считаеть—равнодушіе областей къ судьбъ своего главнаго города. Профессоръ же Ключевскій это равнодушіе областей объясняеть неумѣлымъ обращеніемъ Новгорода съ мъстными мірами, входившими въ составъ его владѣній.

И, дъйствительно, Новгородъ не обнаружилъ ни охоты, ни умънья привязатъ къ себъ подчиненныя ему области. Колонизуя земли, новгородцы заботились телько о пріобрътеніи себъ правъ, а вовсе не заботились о мъстномъ населеніи и лишь эксилуатировали его.

Такъ, напр., финскія племена, какъ побъжденныя, платили въ пользу Новгорода извъстную дань, а кромъ того трудомъ финновъ новгородцы пользовались для эксплоатаціи въ свою пользу природныхъ богатствъ обширнаго новгородскаго края.

Правъ же имъ никакихъ дано не было. Между тѣмъ, основную массу населенія по численности составляли тамъ финны, которыхъ въ новгородской землѣ было несравненно больше, чѣмъ славянъ-пришельцевъ.

По исчисленію проф. И. П. Козловскаго (Записки по древней Русской исторіи), въ XI вѣкѣ въ новгородской землѣ всего славянскаго населенія насчитывалось приблизительно до 200 тысячъ и лишь въ XV вѣкѣ цыфра его поднялась до одного милліона.

Правда, несмотря на свою многочисленность, финны въ политическомъ отношени совершенио не представляли какой-либо опасности для господствующаго новгородскаго класса; покрывши страну сѣтью колоній, новгородскіе славяне спокойно, безъ особенныхъ хлопотъ, держали ихъ въ своемъ подчиненіи, такъ какъ аборигены-финны не проявляли ни склонности, ни способности къ самостоятельной политической жизни. Однако, не привязавъ къ себъ финновъ, Новгородъ въ рѣшительный и критическій моментъ не могъ на нихъ и опираться, или ожидать отъ нихъ поддержки.

Въ частности, переходя къ вопросу объ отношении Новгорода къ Обонежской пятинъ приходится съ грустью констатировать своекорыстность политики Новгорода.

Какъ извъстно, Новгороду пришлось вести упорную борьбу за свою независимость со Шведами, прибалтійскими нъмцами, ливонцами и, наконецъ, съ Суздальской областью.

Въ этихъ войнахъ самое широкое участіе принимали, между прочимъ, населявшіе Обонежскую нятину корелы.

Въ «хронологическомъ Указателъ» Петра Кеппена мы читаемъ: «Въ 1149 г. корелы смъсть съ новгородцами и псковичами совершили походъ подъ предводительствомъ кн. Изяслава на Суздальскую область.

Въ 1188 г. корелы вмѣстѣ сърусскими приходили на скудахъ къ Стокгольму и взяли шведскій городъ Стугнуе.

Въ 1241 году корелы принимали участіе въ знаменнтомъ походѣ Александра Невскаго противъ ливонскихъ рыцарей и въ битвѣ его съ нѣмцами на льду Чудскаго озера, гдѣпроповѣдники католичества потерпѣли полнов пораженіе.

Въ 1257 г. корелы вивств съ новгородцами разбили нъмцевъ въ окрестностяхъ Наровы».

Между тъмъ, историческихъ свъдъній о предоставленіи Обонежской пятинъ полнаго самоуправленія въ своихъ мъстныхъ дълахъ, мы не имъемъ.

Сохранились лишь свъдънія, рисующія корель только, какъ новгородскихъ данниковъ, терпъвшихъ кътому же неръдко притесненія со стороны назначенныхь новгородомъ правителей.

Такъ, въ 1307 г. бояринъ Борисъ Константиновичъ такъ жестоко и самовластно обращался съ подчиненными корелами, что многіе изънихъ бъжали въ Швецію,-«корелу всю истерялъ и за нъмцы загонилъ.»

Много раньше въ 1278 г. за ослушаніе или явный бунтъ «Корелія» была вся разорена великимъ княземъ Дмитріемъ-сыномъ Александра Невскаго.

Всѣ эти притѣсненія часто заставляли корелъ переходить на сторону шведовъ и принимать ихъ вѣру, а затѣмъ, соединясь со шведами, они дѣйствовали уже противъ русскихъ.

Такъ, въ 1337 г., соединившись со шведами, они умертвили въ корелъ всъхъ купцовъ новгородскихъ и ладожскихъ и православныхъ христіанъ, а въ 1338 г. ходили въ предълы новгородскіе, сожгли предмъстье Ладоги и грабили на берегахъ Онежскаго озера.

Такимъ образомъ, вопросъ объ управленіи Обонежской пятины, на основаніи имѣющихся историческихъ данныхъ разрѣшается въ отрицательномъ смыслѣ.

Кореламъ не было предоставлено ни политической свободы, ни политическихъ правъ, какими обладалъ каждый свободный новгородскій гражданинъ.

Правда, по свидътельству лътописца, въ IX в. (862 г.) финны-Чудь принимали какъ будто непосредственное участіе въ призваніи «изъ за моря» князей-«варяговъ» на ряду съ русскими племенами.

"Рѣша Руси Чюдь, Словѣни, и Кривичи (и) Вси: Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да поидѣте княжить и володѣти нами.»

Это свидътельствуетъ какъ будто о равноправіи финновъ съ русскими, но върнъе, если и участвовали финны въ призваніи «варяговъ» то не всъ, - лишь тъ изъ нихъ которые жили непосредственно въ Новгородъ, тъ, которые подчинились нравамъ и обычаямъ славянъ, а потому, какъ обрусъвшіе, и принимали участіе во всъхъ событіяхъ новгородской земли.

Во всякомъ случать, вопросъ объ управлении пятинъ въ исторической наукт считается пока еще вопросомъ не ръшеннымъ.

Въ частности, вопросъ объ управлении Обонежской пятины,—вопросъ о томъ было ли въ ней въче или нътъ,-окончательно можетъ бытъ разръшенъ лишь при параллельномъ изучении исторій Олонецкой и Новгородской губерній.

5) Первые русскіе колонисты въ «Кореліи.»

«Колонизація», говорить проф. И. П. Козловскій, явленіе въ высшей степени сложное, явленіе завоевательнаго, экономическаго и культурнаго характера. Колонизація даеть не только права, но и налагаеть изв'єстныя обязанности по отношенію къколонизуемому населенію».*)

Новгородцы же, какъ мы уже видъли, колонизуя земли, заботились только лишь о пріобрътеніи правъ, вовсе не заботясь о мъстномъ населеніи.

Разсматривая проявленія новгородской колонизаціи выносишь одно впечатлівніе, что эта колонизація не можеть быть названа разумной, систематической. Населеніе «Корелін» не было связано съ новгородемъ ни кръпкими правительственными узами, ни прочными земскими интересами.

Выжимая дань съ подчиненныхъ, Новгородъоднако нисколько не заботился объ урегулированіи въ «Кореліи», напр. продовольственнаго вопроса въ годы голода, постигавшаго нерѣдко эту суровую страну.

Такъ, въ 1420-1422 гг., во время голода и дороговизны, Чудь и Корелы телпами устремлялись во Псковъ, гдѣ имѣлись большіе запасы хлѣба. Но вскорѣ и тамъ хлѣбъ вздорожалъ до цѣны неслыханной. Могли покупать его только богатые. Изъ пришельцевъ бѣдные сперва кормились милостынею; потомъ, когда запасы хлѣба истощились, они принуждены были умирать отъ голода въ такомъ множествѣ, что въ одномъ Псковѣ наполнены были ими четыре кладбища. *) Очевидно, никто не заботился о равномърномъ распредѣленіи хлѣба и о доставкѣ его въ Обонежскую пятину.

Обладая обширными земельными пространствами, богатыми самыми разнообразными ископаемыми, новгородцы, правильно и систематически эксплоатируя ихъ, несомнѣнно могли бы въ значительной степени смягчить или даже совсѣмъ освободить отъ дани подчиненныя имъ области, что конечно, улучшило бы взаимныя отношенія новгородскихъ областей между собою.

^{*)} И. П. Козловскій. Записки по древней Русской исторіи.

^{*)} Олон. Сборн. 1894 г. А. Часточкинъ. Корелы, обитающіе въ Олонецкой губерніи.

Изъ исторіи Новгорода изв'єстно, что въ Сибирскихъ странахъ, за рѣкою Камою, новгородцы съ незапамятныхъ временъ добывали серебряную руду, такъ наз.,, закамское серебро»; убереговъ Бѣлаго моря разрабатывали они соляныя залежи, а въ поморьъ, у береговъ Ледовитаго океана, добывали рыбу и моржовые клыки. Однако, "эксплоатацію новгородцами этихъ природныхъ богатствъ нельзя назвать разумною уже по одному тому, что они облагали данью племена, трудомъ коихъ исключительно и эксплоатировались эти богатства, а кром' того эксплоатація природныхъ богатствъ была предоставлена частной иниціативъ и частнымъ лицамъ, что и создало ту соціальную рознь и разслойку классовъ новгородскаго общества, которая послужила главной причиной паденія «Вольнаго» горола.

На ряду съ эксплоатаціей естественных богатствъ края въ Обонежской пятинъ шла и оживлениая торговля, о чемъ имъются опредъленныя историческія указанія.

Такъ еще при Борисѣ Годуновѣ на мѣстѣ нынѣшняго Повѣнца было село извѣстное подъ именемъ «пристань» или «рядокъ»,-названіе, какъ нельзя лучше, указывающее на торговое значеніе селенія. Эта «пристань» очевидно существовала и въ дни Іоны, основателя Климецкаго монастыря, изъ житія котораго видно, что, продолжая торговое дѣло своего отца-новгородскаго посадника-,онъ часто ѣздилъ по торговымъ дѣламъ въ разныя мѣста по озеру Онего на

большихъ лодкахъ и однажды, говорится въ житіи, возвращался съ запасомъ соли изъ Пов'єнца (Арх. Никодимъ Олонецкій патерикъ 1910 г.)

Такимъ образомъ, послѣднее извѣстіе, относящееся къ первой четверти XVIв. (Іона сконч. въ 1534 г, годъ рожденія неизвѣстен), къ тому же болѣе раньще, чѣмъ первое, уже опредѣленно указываетъ на существованіе наименованія "Повѣнца".

По свидѣтельству же И.И. Благовѣщенскаго уже въ 1496 году упоминаются «Повѣнцы», какъ селеніе съ соляными амбарами и сольницами торговыхъ людей (см. Списокъ населенныхъ мѣстъ Олонецкой губерніи за 1905 г.)

Слъды торгово-промышленной дъятельности Новгородцевъ въ Обонежской пятинъ отмъчаются также и въ номенклатуръ Олонецкаго края.

По свидътельству Н. И. Харузина, жители дер. Гость-Наволокъ, Пудожскаго уъзда, происходять по словамъ крестьянъ, отъ купцовъ, гостей, которые приходили торговать сюда и впослъдствии стали здъсь жить.*)

Встртчающіяся изрідка и теперь еще въ Олонецкой губ. и особенно сохранившіеся на берегахъ Ледовитаго океана (въ Колів) и на берегахъ Білаго моря (въ Кеми) пестрыя женскія одіянія златотканные сарафаны, кокошники и кацавейки, не иміющіе таліи и снабженные массой прямыхъ жесткихъ складокъ иду-

^{*)} Н. И. Харузинъ изъ матеріаловъ собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго у., Олонецкой губ.

щихъ отъ шеи внизъ какъ бы полураскрытымъ въеромъ также относятъ насъ ко временамъ правленія въ Новгородъ посадницы Марфы Борецкой, когда подобные костюмы: преимущественно шились и носились.

Такимъ образомъ наличность оживленной торговли въ «Обонежской пятинъ» несомнънна.

Изъ уставной грамоты новгородскаго князя. Николая-Святослава Ольговича, написанной въ 1137 г., видно, что новгородцы уже въ первой половинъ XII въка успъли основать въ Обонежкой пятинъ цълый рядъ прочныхъ постоянныхъ поселеній, составившихъ особый «Обонежскій рядъ» Новгородской области.

«Обонежскій рядь» состояль тогда изъ 14 населенныхъ мъстъ, разсъянныхъ на пространствъ отъ р. Олонки до истоковъ р.р. Ояти Паши и Ояси.*)

Среди этихъ поселеній въ грамотѣ 1137 г. упоминается, между прочимъ, и самое древнее поселеніе въ "Кореліи"-Олонецъ. Грамота Святослава, представлявшая изъ себя обручную роснись, при опредѣленіи количества дани, подлежащей уплатѣ новгородскому князю и и епископу, указываетъ, что Олонецъ долженъ былъ платить владыкѣ три гривны и, кромѣ того, нести часть расходовъ въ случаѣ поѣздки архіерея по енархіи—«А се Об-Онѣзьскый рядъ: во Олонціи 3 гривны»... «Въ поѣздѣ отъ всее земли владыцѣ 10 гривенъ, а попу 2 гривнѣ».

Итакъ, Олонецъ, какъ населенный колонизаціонный пунктъ, существуетъ уже болъе семи съ половиной стольтій и упоминается въ историческихъ актахъ на десять лътъ раньше, чъмъ Москва.

Не безъинтересно, между прочимъ, привести здѣсь показаніе нѣкоего мѣщанина г. Олонца Ивана Кондратьева о происхожденіи самаго названія «Олонецъ».

Иванъ Кондратьевъ жилъ въ первой половинъ XIX в. и хотя «грамотъ онъ научился, кромъ азбуки самоучкой», но отличался, по собственному своему признанію, любознательностію къ "наблюденіямъ и изъясненіямъ", а потому выслушаемъ его любопытное «изъясненіе».

«Когда стали прівзжать изъ Россіи новгородцы, за данью или какими либо другими надобностями, не разумъвши разговора олончанъ, люди чиновные и грамотные, славившіеся могуществомъ и величіемъ великаго новгорода, то называли ихъ въ насмъшку: «оло-ло, оло-ло», потому что этими звуками отзывалось слуху русскаго наръчіе корельскаго языка. Отъ сего прозвали ихъ: «олончане», и ръка, гдъ жили первые поселенцы, названа «Олонкою, а впослъдствіи-городъ и весь округъ. Обстоятельство сіе подверждается еще сл'ядующимъ. Какъ при первоначальномъ поселеніи, олончана не были еще просвъщены св. крещеніемъ, то русскіе, не понимая языка ихъ, издъваясь, называли: «оло-ло, оло-ло» и присово-

^{*)} Олонецкій Сборникъ 1894 г. Краткая историческая записка объ Олонцъ.

купляли: «о, проклятые олончана; кто ихъ пойметъ, что они лепечутъ»*)

Впрочемъ, за достовърность и правильность этого толкованія ручаться не приходится.

Кромъ «Олонца» и «Повънца» въ эпоху новгородскаго владычества упоминаются, какъ населенные пункты, и еще три наименованія-«Толвуя», «Пудожъ», и «Каргополь».

«Толвуя» въ качествъ погоста Заонежской половины Обонежской пятины (на полуостровъ Заонежьв) числится уже въ 1375 г., а «Пудога» или Никольскій Пудожскій погость упоминается въ 1447 г., въ немъ въ этомъ году, спасаясь отъ преследованій вел. кн. Василія Темнаго, нашелъ убъжище князь Дмитрій Шемяка.

Такимъ образомъ, уже въ XII-XIII в.в. въ предълахъ нын. Олонецкой губ.—на Онего шла оживленная торговля новгородскихъ купцовъ съ населеніемъ «Кореліи».

Но не только по берегамъ Онего вели новгородцы свою торговлю. Уже въ XIII въкъ они продвинулись къ берегамъ Ледовитаго океана.

По свидътельству К. Случевскаго въ его книгѣ «По сѣверу Россіи», -- здѣсь въ псморьѣ еще въ 1264 г. было селеніе Кола, въ которомъ управляли мужи новгородскіе, о чемъ упоминается въ договоръ вел. кн. Ярослава Ярославовича съ Новгородцами.

Изъ торговыхъ же договоровъ Новгорода съ

ганзейскимъ союзомъ мы усматриваемъ уже въ XIII Обонежская пятина считалась рудной страной, богатой жельзомъ и другими металлами, правомъ разработки которыхъ пользовались, какъ мъстные жители, такъ и ганзейскіе купцы.*)

Въ лътописяхъ же 1227 г. встръчается указаніе, что въ предёлахъ нын. Олонецкой губ. рубили лъсъ нъмецкие и голландские куппы**).

Къ этому же времени, надо полагать, появились въ Обонежской пятинъ и первые любители «чужой наживы» — пираты и разбойники, хотя имъющіяся въ нашемъ распоряженіи историческія свёдёнія о нихъ и относятся къ позднему времени, а именно къ XVI въку.

Изъ житія основателя Андрусовской обители-Андріана (убитаго разбойникомъ 15 мая 1550 г.) извъстно, что въ дремучихъ лъсахъ острова Сала лежавшаго противъ его пустыныни, укрывался «недобрый» человъкъ, который съ шайкой своею дълалъ нападенія на пловцевъ по Ладожскому озеру.

Тамъ же говорится, что на каменистомъ мысу Ладожскаго озера, называвшемся Сторожевскимъ, «жилъ тогда же другой разбойникъ: который, завидуя успѣхамъ въ грабежахъ разбойнику съ о. Сала, всячески стремился погу-

**)Статистикъ справочникъ 1913 г. Олонецкая Губернія.

^{*)}Олонецкій Сборникъ 1894 г. къ исторіи города Олонца и его окресностей.

^{*)} Б. Михайловъ. Очеркъ горназаводскаго дѣла въ Олонецкой губ. "Извѣстія Общ. Изуч. Олон Губ." 1913 г. № 1.

бить его». Случилось, что оба соперника, разъвзжая съ шайками своими для промысла, встрвтились. Закипъла битва. Жители о. Сала были побъждены, предводитель ихъ взятъ въ плънъ и «скованный сброшенъ въ ладью врага своего»*)

Въ Обонежской пятинъ пираты находили для своей дъятельности очень широкое поприще.

Они нападали на новгородскихъ купцовъ, провозившихъ—соль, рыбу, дичь, мѣха и т. д; на обонежскихъ монаховъ—чернецовъ и игуменовъ, получавшихъ всевозможныя награды и дары отъ новгородскихъ купцовъ, бояръ и князей; а также и на сборщ. податей, собиравшихъ уже съ XII вѣка дань съ обонежскихъ корелъ.

На ряду съ новгородскими купцами, пиратами и сборщиками податей, въ числъ первыхъ русскихъ колонистовъ въ Обонежской пятинъ оказались и новгородскіе подвижники—пустынножители, положившіе основаніе первымъ монастырямъ, которыми такъ богать и понынъ нашъ Олонецкій край.

Христіанство перешло въ «Корелію»—Обонежскую пятину—изъ Новгорода. Но также, какъ въ Новгородъ, оно значительно запоздало здъсь по сравненію съ другими русскими землями. Въ Новгородъ оно распространилось въ XI в., тогда какъ крещеніе Руси произошло уже въ 988 г., т. е. въ X въкъ Въ «Кореліи»

же только въ 1227 году новгородскій князь Ярославъ Всеволодовичъ, пославъ священни-ковъ, «крести множество корелъ мало не всѣ люди».

Правда, еще въ кенцъ XII в. и-началъ XIII в. въ Обонежской пятинъ жилъ основатель Палеостровскаго монастыря-Корнилій Палеостровскій, уроженецъ г. Пскова; все же корелы были въ то время еще язычниками, о чемъ имъется указаніе во второй половинъ XII в. въ буллъ папы Александра III (1159—1181) къ упсальскому епискоцу Стефану (II64—1185).

Христіанство въ Обонежской пятинъ распространялось очень слабо. Корелы были равнодушны къ нему.

Это видно изъ того, что, по прошествіи двухъ стольтій со времени принятія христіанства архіепископъ новгородскій Макарій доносиль вел. кн. Іоанну Васильевичу Грозному въ 1534 г., что «скверные молбища идолскіе» были въ нынъ. Финляндіи и въ съв. предълахъ нынъ. Олонецкой губ. «до Лексы до дикіе», а въ 1535 г. тотъ же арх. Макарій посылаль инока Илію въ чудскую землю, приказывая «разоряти ихъ обычай, и женамъ ихъ власовъ не постригати, и ризъ яко мертвечьихъ на главахъ и на рамъхъ не носити, и кудесы своя прокляти: таковъ бъ обычай злый въ Чюди и въ Ижеръ и по всей Корельской земли». *)

Это равнодушіе корель къ христіанству объ-

^{*)} Арх. Никодимъ Олонецкій патерикъ [1910 г.

^{*)} См. Хронологическій указатель "Петра Кеппена и ст. Я. Елпидинскаго" Корелы Олонецкой епархіи.

ясняется тъмъ, что великое по своему нравственному значению учение Христа было уже въто время искажено церковью, выставившей на первое мъсто обряды и пышное богослужение, замънивией «поклонение идоламъ»— «поклонениемъ» иконамъ».

Перешедшее къ намъ изъ Греціи христіанство было принято нами въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было тамъ, т. е. со всѣми греческими церковными порядками, съ архіереями, митрополитами и монастырями.

Съ первыхъ же дней христіанства у насъ появилось особое церковное начальство, что отдълило народъ отъ духовенства, а церковь отъ върующихъ.

Церковь стала поддерживать свътское начальство и «сильныхъ міра сего», прибъгая къ ихъ оружію въ цъляхъ распространенія христіанства и разръшая христіанамъ служить въ войскахъ, создаваемыхъ для поддержанія власти исключительно богатыхъ и сильныхъ.

Такимъ образомъ, сущность ученія Христа была забыта. Какъ извъстно, ученіе Христа было обращено къ бъднымъ и страждущимъ. «Прійдите ко мнѣ всѣ страждущіе и обремененные и Азъ успокою вы», говоритъ Христосъ, Всѣмъ извъстны слова Христа о богатыхъ: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти въ Царствіе Божіе». Извъстно также, что Христосъ отвергалъ господство сильныхъ и власть человѣка надъ человѣкомъ. «Вы знаете, —говорилъ онъ своимъ ученикамъ, — что

почитающіеся князьями народовъ господствують надъ ними, и вельможи ихъ властвують надъ ними; но между вами да не будетъ такъ». (Евангеліе отъ Марка, гл. 10 стихъ 42—43).

Эти завъты Христа церковь забыла, благодаря чему въ жизни народовъ съ принятіемъ христіанства почти все осталось по прежнему. Попрежнему остались вельможи и простолюдины, богатые и бъдные, властители и рабы. Измънилось только то что вмъсто поклоненія идоламъ бывшій язычникъ сталъ поклоняться иконамъ и сталъ ходить въ раззолоченный христіанскій храмъ, гдѣ служили архіереи въ пышныхъ, раззолоченныхъ одеждахъ и гдѣ имъ архіереямъ оказывались всяческія почести.

Распространенію въ «Кореліи» христіанства мішало и то обстоятельство, что «Корелія» издавна была предметомъ спора между русскими и шведами, которые силой оружія обращали ихъ, то въ католичество, то въ грекороссійскую въру.

Ложно понятое христіанство послужило, такимъ образомъ, поводомъ къ враждѣ между Шведами и Русскими и поселило лишь раздоръ въ семьѣ корелъ.

Такъ въ «Хронологическомъ Указателъ о карелахъ Петра Коппена мы читаемъ:

«Въ 1337 г. корелы, соединившись со шведами, умертвили многихъ купцовъ новгородскихъ и ладожскихъ и христіанъ Греческой вѣры, жившихъ въ кореліи, а сами бѣжали въ Выборгъ, откуда дѣлали потомъ нападенія на Русскихъ.

Въ 1351 г. папа Климентъ VI писалъ арх. Упсальскому, что Ижорцы и Корелы, обращенные въ въру истинную Магнусомъ, жалуются ему на Россіянъ, которые убиваютъ ихъ, въшаютъ, травятъ собаками и стараются обратитъ вновь въ законъ свой.

А въ 1556 г. царь Іоаннъ IV въ нисьмѣ къ шведскому королю Густаву упрекалъ его за то, что люди его дѣлали ужасныя неистовства въ корельской землѣ нашей, жгли, убивали, ругались надъ святынями.

Ясно, что травля собаками, вѣшаніе, убійства и поджоги съ обѣихъ сторонъ, какъ со стороны шведовъ, такъ и со стороны русскихъ, конечно, не могли укрѣпить въ христіанствѣ корелъ и тѣ къ прежнему обращались со своими мольбами о помощи къ своимъ испытаннымъ богамъ языческимъ.

Къ тому же и языкъ церковно-славянскій, непонятный даже русскимъ, еще болъе быль непонятенъ кореламъ.

Если же мы примемъ во вниманіе невѣжество тогдашняго духовенства, то для насъ будеть вполнѣ яснымъ,— почему христіанство такъдолго не прививалось въ кореліи.

Вотъ что говоритъ арх. новгородскій Геннадій о современныхъ ему священникахъ: Приведутъ ко мнѣ посвящать въ попы мужика. Я приказываю ему читать апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему псалтирь, а онъ и по той еле бредетъ. Я отказываю, а на меня жалобы: земля, господине, такова, не можно найти, кто бы гораздъ былъ въграмотъ».

Такимъ образомъ, христіанство въ «Кореліи» распространялось не безъ участія внѣшней силы и не безъ принудительныхъ мѣръ. Невѣжественное же духовенство заботилось больше о своихъ церковныхъ выгодахъ и примыкало не къ страждушимъ и обремененнымъ, а къ сильнымъ и богатымъ, которыхъ исключительно только поддерживало и защищало.

Попадались, конечно, и среди Обонежскаго духовенства истинные христіане, какъ, напр., Александръ Свирскій,—сынъ крестьянина, въчный заступникъ за бъднаго человъка, особенно уважаемый всею Олоніей, а также зосима и Савватій Соловецкіе.

Встрвчались среди нихъ и аскеты, какъ, напр., въ Холмогорскомъ крав—Антоній Сіскій, обнажавшій плечи и главу до пояса, дабы прилетали къ нему оводы и комары и «обсвдали и пили кровь нещадно»; Никифоръ Важеозерскій, изнурявшій себя тяжелыми веригами, которыя носиль на голомъ твлв; Корнилій Палеостровскій, удручавшій плоть свою желвзнымъ поясомъ и и веригами; Александръ Свирскій также нервдко молился, предавая свое твло въ жертву комарамъ.

Это были для корелъ такіе же пропов'єдники религіи духа-настоящіе герои въ чисто-варварскомъ вкус'є, какими среди чувственныхъ полудикарей германцевъ были-св. Макарій и Симеонъ столиникъ.

Какъ извъстно, Макарій 6 мъсяцевъ спаль въ болотъ и боролся со страстями тъмъ, что даваль свое тъло кусать насъкомымъ, а Симеонъ 30 л. стоялъ на столотъ, приковавъ себя къ нему цъпью, и псстоянно дълалъ земные поклоны.

Несомнънно, что первые основатели монастырей въ Обонежской пятинъ сыграли въ послъдней большую колонизаторскую роль. Въ Обонежскихъ дебряхъ и лъсахъ, монастыри въ то время служили единственными гостиницами, гдъ можно было найти уютъ новгородскимъ купцамъ.

Нѣкоторые монастыри въ Обонежской пятинѣ, какъ, напр. Соловецкій монастырь, сыграли и крупную культурную роль.

«Соловецкій лѣтописець,—говоритъ К. Случевскій въ своей книгѣ» «По сѣверу Россіи»,—сообщаеть, что игуменъ Филиппъ, въ XV вѣкѣ, такую телѣгу завелъ, что сама насыплется и привезется, сама и высыпаеть рожь на сушило; онъ сѣялку построилъ съ десятью рѣшетами: сѣетъ одинъ человѣкъ, а другое рѣшето то само насыпаетъ и сѣетъ отруби и муку; игуменъ Филиппъ вѣтеръ нарядилъ мѣхами рожь вѣять и кирпичные заводы завелъ, и стекольчатые окна дѣлалъ; старецъ Тарасій, раньше его, научилъ разсолъ отъ воды отлучать и соль варить.

"Во всей исторіи русскаго монашества нѣтъ другаго лица, подобнаго Филиппу. Онъ былъ образцовымъ хозяиномъ; дикіе острова сдѣлались благоустроенными; пользуясь своимъ богатсвомъ Филиппъ рылъ канавы, засыпалъ болота, создалъ пастбища, развелъ скотъ, устроилъ кожевенный

заводъ и ввелъ выборное управление между монастырскими крестьянами. Если на Муксал-мъ богатъ и обиленъ скотный дворъ, если поострову гуляютъ стадами лапландские олени, если созданы соляныя варницы-всему этому причиной, Филиппъ:

Соловецкіе острова раньше были необитаемы. «Окруженный непривътливымъ моремъ, открытый дыханію съвера, на голыхъ скалахъ при чахлой растительности. на краю тъхъ странъ, гдъ царитъ двухмъсячная ночь, а лъто является проблесками, монастырь создалъжизнь и распространилъ ее».

«Обитель, отръзываемая отъ материка зимними льдами почти на десять мъсяцевъ, должна была имъть въ себъ все необходимое для существованія; и она это все имъетъ.

Вотъ простой перечень ея устройствъ и учрежденій: училище, школы-живописная, сѣтная каменотесная, слесарнак, малярная, бондарная, переплетная, портная, чеботарная, мастерская глиняной посуды кожевня, лѣсопильна, кирпичный заводь, чугуннолетейная мастерская, кузница, доки. Въ Макарьевской пустыни бѣлятъ воскъ: имѣется 9 зданій при рыбныхъ тоняхъ и 8 избъ при сѣнокосныхъ пожняхъ назначенныхъ для породистаго монастырскаго скота. на Анзерскомъ островѣ устроена спасательная станція, въ которую посылается атаманъ и 12 послушниковъ. Монастырю принадлежатъ два парохода: «Вѣра» и «Соловецкій» по мысли профессора Вагнера думаютъ устроить рыборазводный

отдёль и предполагають разводить стерлядь, треску и мойву».

Такъ описывалъ въ 1894-86 гг. Соловецкій монастырь К. Случевскій въ своей книгѣ «По сѣверу Россіи»:

«Огромное количество богомольцевъ посъщають монастырь, который уже въкъ. Дней за десять до Троицына дня въ (Петербургъ) Петроградъ В. Я., на Калашниковской пристани, можно видъть отправление соловецкихъ паломниковъ. Пестрый народъ этотъ помъщается въ одну, а нътъ такъ и двъ соймы, и двигается, буксируемый пароходомъ, вверхъ по Невъ. Путь ихъ разсчитанъ такъ, чтобы быть къ Троицыну дню въ Свирскомъ монастыръ, ко времени ежегоднаго перенесенія мощей св. Алекслидра Свирскаго изъ одного храма въ другой. Оттуда Свирью и Онежскимъ озеромъ двигаются они иа Повънецъ, чрезъ Олонецкій горный кряжъ, Масельгу, кто пышкомъ, верхомъ, въ телъгъ, а иногда по пескамъ на саняхъ, приходятъ они къ Сумскому посаду на Бъломъ моръ, гдъ ожидаютъ ихъ карбасы или пароходы Соловецкаго монастыря».

Описывая свое путешессвіе въ 1885 г. по острову, К. Случевскій говорить: «Дороги на осров'в очень хороши, и быстроходныя монастырскія лошадки мчали насъ по нимъ очень весело. Л'єсъ южной части острова такъ зеленъ и красивъ, травы такъ густы и сочны, день былътакъ теплъ и ясенъ, что р'єшительно не в'єрилось близости Ледовитаго океапа. Но пройдетъ

это короткое лѣто, и обитель покроется глубокими снѣгами, и отгородится она ото всего міра неприступными, навороченными осеннимъ
взводнемъ волнъльдинами, станетъ тогда застывшая иоверхность моря «ропачиста», и нѣтъ тогда съ обители сообщенія, и отдѣлена она отъ
живыхъ людей не меньше, чѣмъ умершіе. Но
прилетаетъ въ Благовѣщеніе чайка, часъ воскресенія настаетъ, и умершіе возвращаются къ жизни».

Такимъ образомъ, мы должны воздать должное Соловецкому монастырю, сыгравшему по отношенію къ Русскому сѣверу и въ частности къ Олонецкой губерніи громадную культурную, просвѣтительную и колонизаторскую роль.

Возникшій въ XV въкъ на крайнемъ съверъ, Соловецкій монастырь, однимъ изъ основателей котораго былъ Зосима, уроженецъ с. Толвуи на Онежскомъ озеръ, служитъ постояннымъ напоминаніемъ намъ Олончанамъ, что при средствахъ, трудолюбіи, знаніи, и энергіи можно и Олонію превратить въ цвътущій и культурный край.

Такую же роль, какъ соловки, игралъ въ Олонецкомъ краѣ и Свирскій монастырь, начало которому было положено въ XV вѣкѣ Александромъ Свирскимъ, вѣчнымъ стоятелемъ за бѣднаго человѣка.

Многіе обонежскіе отшельники были и единственными проводниками грамотности среди финскихъ народцевъ въ древнее время. Таковы были-Кириллъ Челмогорскій, Корнилій Палеостровскій, Лазарь Муромскій, Алексанръ Оціевенскій и др.

Извъстно, что съ XII по XVI въкъ въ Олонецкомъ крат возникло до 24 обителей (изъ нихъ въ XI в.—I. въ XIV в.—2, въ XV в.—4, въ XVI в.—17),-каждая изъ этихъ обителей несомненно внесла въ исторію колонизаціи края новые русскіе элементы. Что касается самого процесса колонизаціи, то онъ представляется въ слёдующемъ видъ.

Обыкновенно пустынникъ на мѣстѣ своего поселенія ставиль крестъ, иногда и часовню и малую хижину. По мѣрѣ того, какъ становилось извѣстнымъ его жилище, къ нему собирались братья, устраивался монастырь, расчищались почины и курьтурный передовой пикетъ получалъ пачало. Около нихъ устраивались новые починки, поселенія, деревни, такъ что монастыри всегда становилиоь центромъ наиболѣе населенныхъ мѣстностей края. Насколько многолюдны были монастыри, достаточно указать, что братство Лазаря Муромскаго, по преданію состояло изъ 800 человѣкъ и изъ него со временемъ составились цѣлые приходы.*)

На одномъ съверъ, въ нын. губерніяхъ: Архангельской, Вологодской и Олонецкой подвизалось двъсти лътъ тому назадъ около 162 подвижниковъ.

Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр,. Трифонъ дошли даже до $69^1/_4$ градуса сѣверной широты.

Послѣдній, какъвидно изъграмоты Іоанна Грознаго, былъ настоятелемъ Печенгскаго монастыря и донынѣ существующаго. Проповѣдуя Евангеліе среди лопарей. Трифонъ основалъ рыболовство, звѣроловство, ловлю устрипъ, соляныя варницы, лѣсные яворы, мельницы и обзавелся морскими крупными судами. Онъ скончался въ 1583 году (К. Случевскій. По сѣверу Россіи. Ч. 1, стр. 57).

Несомивно, въ исторіи Олонецкаго края первые «Обонежскіе» монастыри сыграли крупную колонизаторскую роль и по своему поведенію и значенію они заслуживають большаго уваженія, чёмъ монастыри подвижники позднёйшаго времени и современные намъ.

Такимъ образомъ, изъ предыдущаго мы видимъ, что первыми русскими колонистами «Кореліи» или нын Олонецкой губ. были новгородскіе-купцы, промышленники, бѣглецы, пираты и пустынники.

Колонизація эта началась главнымъ образомъвъ XI вѣкѣ, когда впервые встрѣчаются письменныя указанія объ Олонецкомъ краѣ въ новгородскихъ лѣтописяхъ, гдѣ край этотъ извѣстенъ подъ именемъ «Обонежской пятины», а иногда, Заонежскихъ погостовъ.

Съ этого времени колонизація новгородцевъ шла безостановочно. Уже въ первой половинъ XII в. здъсь появляется цълый рядъ прочныхъ постоянныхъ поселеній, составившихъ особый «Обонежскій рядъ» Новгородской области. Постепенно начали появляться и такъ называемыя

^{*)} Пам. Книжка на 1904 г. Олонецкій край до образованія губерній.

«страдомыя деревни». Новгородскіе посадники, архіепископы и всё знатные и богатые люди пріобрётали здёсь земли, лёса, рёки, озера, заводили рыбные и звёриные промыслы и посылали сюда "удалыхъ молодцевъ" для управленія своими угодьями и промыслами.

Пустыненъ и дикъ былъ тогда Обонежскій край. Одинокіе новгородскія поселенія (починки) состояли тогда изъ одного или двухъ дворовъ и разбросаны были одно отъ другого на весьма далекое разстояніе. Они совсѣмъ терялись среди дѣвственныхъ Обонежскихъ лѣсовъ и безчисленныхъ озеръ. Кругомъ "починокъ" была сплошная лѣсная глушь, даже угодья и урочища, которые существовали въ этихъ мѣстахъ, назывались не иначе, какъ «лѣшія рѣки,» «лѣшія озера».

Въ разбросанныхъ больше по берегамъ рѣкъ и озеръ, на незначительномъ разстоянии другъ отъ друга поселковъ общественная жизнь могла развиваться слабо и только «съ нужею» поддерживались взаимныя отношенія. Главнымъ препятствіемъ къ тому при большихъ разстояніяхъ являлись невозможныя пути сообщенія, не вышедшіе изъ своего первобытнаго состоянія въ XVII вѣкѣ. «Роспись Олонецкимъ городомъ» 1649 г. свидътельствуетъ «сухимъ путемъ дороги во всв погосты есть же пъще и конные съ нужею: защли мхи и озера и перевозы озера многіе, а теліжныхъ дорогъ нътъ».» «Дороги де плохія, а перегоны большіе», жаловались въ XII в. заонежскіе жрестьяпе.*)

Такія невыгодныя географическія условія мало способствовали колонизацій края, а потому до половины XI в. поселеній здѣсь бывало вообще немного. Пространства между возникавшими селеніями,—тайги, мхи и болота, попрежму оставались непроходимыми для пришельцевь и по нимъ продолжали бродить дикіе звѣри, да тѣ же коренные жители: чудь, лопарь или корелъ.

Поселенцы сносились другъ съ другомъ и съ своей метрополіей лишь водными путями, около которыхъ въ началъ преимущественно и поселились новгородцы.

Такъ было первое время, но обиліе лѣсныхъ богатствъ въ краѣ вызывало притоки новыхъ и новыхъ силъ. Пришельцы уже стали забираться въ глубь угрюмой тайги. Особенно сильно густѣетъ населеніе подъ конецъ XV и въ XVI вѣкъ когда и эксплоатація лѣсныхъ богатствъ стала прин. значительные размѣры. Пам. Кн. Олон. Губ. на 1912 г. С. Благовѣщенекій охотничій промыселъ въ Олонецкой губерніи.

Съ приростомъ же населенія, первоначальные небольшіе русскіе поселки постепенно увеличивальсь и къ XVII вѣку не рѣдкость были уже деревни по 8-10 дворовъ.

Къ концу XVI въка по писцовымъ книгамъ 1582—1583 г. въ Обонежской пятинъ заонежской половины числилось уже 23 погоста, въ коиуъ считалось деревенъ жилыхъ 2123 и пустыхъ—251. Но сюда не вошли деревни 8 погостовъ: Никольскаго на Шуъ, Спасскаго—въ Кижахъ, Егорьевскаго—на Толвуъ, Михай-

^{*)} Пам. Кн. Олон. Губ. на 1912 г. Н. С. Шайжинъ Заонежская заточница.

ловскаго—въ Геденичахъ, Имоченскаго—на Ояти и Никольскаго—въ Ярославичахъ. Если бы было исчисление деревень и по этимъ погостамъ, то общій итогъ поселеній конца XVI вѣка, по крайней мѣрѣ, составлялъ бы до 3000 деревень, что превышаетъ половину нынѣшняго числа населенныхъ мѣстъ въ Олонецкой губерніи.*)

По свидѣтельстру И. Благовѣщенскаго,—по даннымъ 1905 года въ Олонецкой губерніи состояло на лицо 4455 деревень**)

Но прежде, чъмъ стать здъсь твердою ногою, новгородцы должны были выдержать упорную и долгую борьбу съ Емью, наиболъе устойчивымъ финскимъ племенемъ, жившимъ на протяженіи съверныхъ предъловъ Новговодской области, начиная отъ Ладожскаго озера. Емь частью была побъждена и слилась съ пришельцами, главныя же массы двинулись на западъ, въ гористую Финляндію, гдѣ потомки ихъ живутъ и понынъ. Съ XII по XIV въкъ, Емь является тамь сильнымъ воинственнымъ населеніемъ и вмъстъ со шведами и отдъльно отъ нихъ производигъ частные набъги на новгородскіе предълы.

Съ племенемъ же кореловъ жившихъ за Емью, далъе къ съверу и въ пребрежьяхъ Ладожскаго озера, новгордцамъ не пришлось вести тяжелой борьбы; корелы безъ особаго труда подчинились ихъ господству.

И мы видимъ, что съ 8 въка началось сильное обрусение корель-финновъ. Бывшіе въ старину преобладающимъ племенемъ въ предълахъ нын. Олонецкой губерніи, въ настоящее время они живуть лишь въ увздахъ: Олонецкомъ, Повънецкомъ и въ западной части Петрозаводскаго, хотя они и жили раньше, напр. въ Пудожскомъ убздб, о чемъ свидътельству. ють сохранившіяся финскія наименованія многихъ изъ деревень Пудожскаго убзда. Такъ напр. имена-Кулъ-наволокъ, Конза-наволокъ и т. д. Въ именахъ ръкъ и озеръ также встръчаются явные слёды финскаго языка, напр. Водлозеро съ ръкой Водла; ръка Шала, Сарозеро. Тягъ-озеро, Пенгоя, Пидьма, Сувалда, Погра, Нисельта, и т. п.*)

Нѣтъ сомнѣнія, что и финны въ свою очередь оказали вліяніе на русскихъ. Въ большинствѣ селеній, носящихъ финскія имена,—по свидѣтельству Н. И. Харузина, типъ населенія носитъ явные признаки финской расы-рѣдкость бороды, небольшой ростъ бѣлокурость и т. д., что рѣзко бросается при сравненіи съ деревнями сосѣдними, русскаго происхожденія.

^{*)} Пам. Кн. Олон. Губ. на $1904\,$ г. Олонецкій край до образованія Губерніи.

^{**)} И. И. Благовъщенскій. "Списокъ населенныхъ мъстъ Олонецкой губерніи 1905 г."

^{*)} Н И. Харузинъ Изъ матеріаловъ, собранныхь среди крестьянъ Пудожскаго у., Олонецкой Губерніи.

^{**)} Олонецкій сборникъ $1894 \, \mathrm{r.} \,$ Е. Барсовъ, Объ Олонецкихъ древностяхъ.

6) Обонежская пятина въ Московскій періодъ.

Какъ извъстно, въ 1478 году независимость Новгорода пала и «вольная Новгородская община» подчинилась Московскому княжеству.

Вслѣдъ за великимъ Новгородомъ были вскорѣ подчинены Москвою и всѣ новгородскія земли.

Что касается Обонежской пятины, то въ «Хронологическомъ указателъ» Петра Къппена есть указаніе, что въ 1496 г. князья Ушатые, посланные великимъ княземъ Іоанномъ III, раззорили землю Шведскую отъ Кореліи до Лапландіи и присоединили къ Россійскимъ владъніямъ берега Лименги *)

Такимъ образомъ, Обонежская пятина вошла въ составъ Московскаго княжества въ 1496 году, т. е. черезъ 18 лътъ послъ паденія Великаго Новгорода.

Гибель Новгорода оплакана олончанами.

Сохранился любопытный «Плачь о Новгородъ», изданный Е. Барсовымъвъ слъдующей редакціи:

Когда Новгородъ вѣдь былъ непокореной И ко суду были крестьяне не привѐдены, Были людушки тогды да не штукавыи,

*) Памятная книжка Олонецкой Губерніи на 1909 годъ.

Не штукавы они были, запростѣйшіи. Какъ судьи да въ тую пору не молодыи, Поженаты да мужики были почотныи, Настойсливы оны да правосудливы

Были добры у нихъ кони иноходныи, Были славны корабли да мореходныи

Тыи времячка прошли да не видаютца, Тыи годы скоротались—не слыхаютца.

Какъ сберутся въ Божью церковь посвященную О Владычноемъ оны да этомъ праздничкѣ И прослужатъ тамъ обиденку воскресную, И какъ выйдутъ на крылечико церковное, И какъ сглянутъ на подлѣтную сторонушку, Тутъ защемитъ ихъ ретливое сердечушко; Сговорятъ они вѣдь имъ да таково слово:

«Гдъ въдь жалобно-то солнце пропекае, «Тамъ въдь прежная родима наша сторона.*)

Нѣтъ сомнѣнія, въ этомъ «Плачѣ о Новгородѣ отразились чувства и настроенія лишь русскихъ колонистовъ Обонежской пятины. Несомнѣнно, что русскимъ поселенцамъ жилось въ Обонежской пятинѣ несравненно вольготнѣе, чѣмъ кореламъ и чуди, а потому вполнѣ понятно оплакиваніе русскими гибели «вольной новгородской общины».

^{*)} Олонецкий Сборникъ 1894 г. Барсовъ. Объ Олонецкихъ древностяхъ.

Все же, надо полагать, съ паденіемъ Новгорода ухудшилась жизнь въ Обонежской пятинъ не только для свободолюбивыхъ и поставленныхъ въ привиллегированное положеніе русскихъ колонистовъ, но и для корельскаго населенія непосредственно.

Такъ, въ теченіи 18 лѣтъ,—съ 1478-по 1496-г.г, Обонежская пятина постоянно подвергалась нападеніямъ со стороны Шведовъ и Финновъ. Весьма возможно, что въ этотъ періодъ времени Обонежская пятина даже подпала подъ вліяніе и господство финновъ и шведовъ, которые всегда вели упорную борьбу съ Новгородомъ за обладаніе «Кореліей», а потому несомнѣнно воспользовались паденіемъ Новгорода и захватили «Корелію» въ свои руки.

Къ сожалѣнію, эти годы въ исторіи Олонецкаго Края не сохранили для насъ никакихъ историческихъ реликвій.

Лишь,—по свидътельству Н. И. Харузина, въ к. XIX и началъ XX в. крестьяне Пудожскаго уъзда на Водлозеръ еще помнили, хотя и смутно, свое финское происхожденіе; по словамъ ихъ, нъкоторыя деревни происходять отъ Шведовъ, очевидно когда — то здъсь жившихъ—по берегамъ Онего.

Насколько это время было благопріятно для развитія Обонежской пятины,—сказать трудно.

Слѣдующіе же годы,— годы владычества въ Обонежской пятинѣ Московскихъ князей могли оставить по себѣ лишь самыя грустныя воспоминанія.

Да и не могъ, конечно, монархическій строй принести съ собой что-либо плодотворное и здоровое.

Такіе цари "всея Руси", какъ "Божіею Милостію" Іоаннъ IV Грозный, съ дътства затвердившій выгодные для себя библейскіе тексты «нъсть власть, аще не отъ Бога» и «всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется», — могли принести съ собой для народа лишь полный произволъ и безправіе.

И мы знаемъ, что превосходя всѣхъ монарховъ на свѣтѣ своею властью надъ подданными, московскіе князья совершенно обезличили гражданъ своего княжества и довели ихъ почти до скотскаго положенія. Когда москвичей обыкновенно спрашивали о какомъ нибудь неизвѣстномъ имъ или сомнительномъ дѣлѣ, они отвѣчали затверженными выраженіями: «Мы того не знаемъ, знаютъ то Богъ да великій государь; «Воля Государева—Божія воля».

Извъстно, что противъ страшной крамолы, будто бы гнъздившейся въ боярской средъ и грозившей истреблениемъ всей царской семьи, Грозный учредилъ "опричнину"—особый дворъ съ отборными людьми для расправы съ измънниками п ослушниками.

Кстати отмѣтимъ, что и въ «Обонежской пятинѣ» была учреждена опричнина,—къ опричнинѣ былъ причисленъ г. Каргополь. Къ сожалѣнію, о дѣятельности Каргопольскихъ опричниковъ въ нашемъ распоряженіи не имѣется никакихъ историческихъ свѣдѣній.

Какъ спеціальный полицейскій отрядь, опричнина получила особый мундиръ: у опричника были привязаны къ съдлу собачья голова и метла: это были знаки его должности, состоящей въ томъ, чтобы выслѣживать, вынюхивать и выметать измѣну и грызть государевыхъ злодѣевъ крамольниковъ. Опричникъ ѣздилъ весь въ черномъ съ головы до ногъ, на ворономъ конѣ въ черной же соруѣ; потому современники прозвали опричнину «тьмой кромѣшной», говорили о ней: «яко нощь темна».

Много людей было обезглавлено и перебито опричниной.

Князь Курбскій, современникъ Грознаго, въ своей «Исторіи» перечисляя жертвы Ивановой жестокости, насчитываетъ ихъ свыше 400. Современники-иностранцы счатали даже за 10 тысячъ. Совершая казни, царь Иванъ по набожности заносилъ имена казнемныхъ въ помянники (синолики), которые разсылаль по монастырямъ для поминовенія душъ покойныхъ съ приложеніемъ поминальныхъ вкладовъ. Эти помянники очень любопытные памятники; въ нъкоторыхъ изъ нихъ число жертвъ возрастаетъ до 4 тысячъ. Но боярскихъ именъ въ этихъ мартирологахъ сравнительно немного; зато сюда заносились перебитые массами и совстви неповинные въ боярской крамолъ дворовые люди, подъячіе, псари, монахи и монахини, - «скончавшіеся христіане мужескаго, женскаго и дътскаго чина, имена коихъ Ты Самъ, Господи, въси», какъ

заунывно причитаеть синодикъ послъ каждой группы избіенныхъ массами.*)

Въ числъ этихъ «избіенныхъ» Обонежская пятина понесла, между прочимъ, крупную утрату въ лицъ извъстнаго уже намъ Филиппа Соловецкаго, сдълавшагося Московскимъ митрополитомъ и убитаго затъмъ по приказанію Грознаго. Едва не подвергся той же участи и Адріанъ Ондрусовскій, спасшійся, впрочемъ, отъ «царскаго» удушенія съ тъм, чтобы сдълаться жертвой случайнаго разбойника.

Таково было это кошмарное и тяжелое время. Общее положение дёлъ въ Обонежской пятинъ было столь же ненормально, какъ и во всемъ Московскомъ Княжествъ.

Всёми льготами и выгодами, какими могла поступиться тогдашняя власть, осыпаны были лишь «благонадежные» верхи общества, а на низы свалили только тяжести и лишенія.

На основаніи заговоровь и причетей, записанныхь въ Олонецкой Губерніи, мы усматриваемъ, что въ старпну Олонецкій крестьянинъ претерпѣлъ большія мученія «отъ выставки кормовъ и подводъ» цѣловальникамъ, головамъ и гонцамъ, отъ платы оброновъ въгосудареву казну, отъ притѣсненій и поборовъ монастырскихъ старцевъ и заказчиковъ и княжескихъ тіуновъ, старостъ и десятниковъ.

^{*)} В. О. Ключевскій. Курсъ Русской Исторіи.

Единственная надежда крестьянина, не располагавшаго «деньгамы лежалыма», была тогда лишь на силу заговора.

«Поставь, Господи, наговаривалъ мужикъ, около меня раба Божія, стѣну желѣзну, другу мѣдну отъ князя и боярина, чтобы не отворились у него на меня щеки изубы и челюсти идай мнѣ соколовы очи, соловьевы басни, рѣчи быстрыхъ рѣкъ, сердце мнѣ—ка лѣтнее и присмири того князя и боярина; дай князю и боярину воеводы и властителю и немилостивому судіи, недругу моему, басни тихія, щеки синичьи, сердце зайцево».*)

Такова жизнь крестьянина—"жизнь невеселая".

Милости сыпались въ "Обонежской пятинъ" лишь на однихъ чернецовъ и монаховъ.

Удивительно, что всѣ "Обонежскіе" настоятели и основатели монастырей только и знали, что усердно выпрашивали у московскихъ царей земли, разныя права и преимущества, которыя не согласовались ни съ данными ими обѣтами нестяжанія, ни съ нуждами и пользами мѣстнаго населенія. Вмѣсто того, чтобы исполнять заповѣдь Христа "Ступай, продай все свое имущество и раздай бѣднымъ" они только и знали, что пріобрѣтали и разными способами ўвеличивали свои земельныя владѣнія, чѣмъ законно возбуждали неудовольствіе среди крестьянъ.

Особенно прославилась въ этомъ отношении такъ называемая "Строкина пустынь", —недалеко отъ г. Каргополя. Эта пустынь и ея чернецы остаются "притчею на языцъ даже до сего дне"...

Обрекшіеся на всевозможныя лишенія ,,Строкинскіе" чернецы только и заботились, чтобъ ,,обзавестись" въ возможно большемъ количествъ "земелькой,, съ лъскомъ "земелькой" для пашни и "поженокъ"—лугами для съна, чтобъ скотинку кормить; а скотинку—для завода; ,,обзавестись" побольше лъскомъ и для дровецъ и для постройки зданій, равно—и другими угодьями, рыбными ловлями, "розсольимъ колодцомъ" и ручьями для мельницъ, словомъ всъмъ тъмъ, что нужно и что потребуется во всякомъ хозяйствъ, и въ сельскомъ и монастырскомъ въ особенности, и что не нужно только мертвецу, съ каковымъ еще дерзаютъ сравнивать себя монахи...*)

До какого цинизма доходили "строкинскіе", чернецы въ своихъ безчисленныхъ выпрашиваніяхъ, это видно изъ того, что они стали величать себя "царскими богомольцами" а въ своихъ челобитныхъ заявляли: "кормилися мы царскіе богомольцы—великаго Государя" жалованьемъ—милостынею, а нынѣ намъ—богомольцамъ, даютъ Государева жалованья половину, и тѣмъ намъ—нищимъ кормитца не чѣмъ; опасаемся, чтобъ царское богомолье въ конецъ не запустѣло; или,—чтобъ больше разжалобить:

^{*)} Пам. Кн. Олон. Губ. на 1909 г Н. Шайжинъ. Олонецкій край (по даннымъ мъстнаго фольклора).

^{*)} К. А. Докучаевъ Басковъ Строкина пустынь и ся чернецы.

«чтобъ имъ, нищимъ, межъ дворъ скитаючись, не помереть голодною смерью», или: «мъсто ихъ. скудное, безвотчинное и кромъ великихъ Государей жалованья питаться не чимъ».. *)

И милости сыпались чернецамъ, какъ изъ рога изобилія.

У Грознаго исходатайствовали они и землю и ругу, и безношлинную торговлю солью... Выпрашивались также и книги, деньги, скотъ хлъбъ, солодъ, солома, луга, но главное «пахомыя» земли.

Такимъ образомъ, монахи постепенно завладъвали лучшими и общирнъйшими землями.

Отсюда понятна та злоба, которую при всякомъ случав проявляли крестьяне къ монахамъ, обрекшимъ, какъ будто бы, себя на всевозможныя лишенія, но вмѣсто того незаконно и незаслуженно воспользовавшимися всѣми благами «міра сего».

Извъстно, что въ «Обонежской пятинъ» почти всъ монахи и чернецы отличались попрошайничествомъ.

Такъ, Никифоръ Важеозерскій,—этотъ какъ будто и аскеть, и онъ испросилъ себѣвъ 1557г. "царскую грамоту" на владѣніе пашенною землею вокругь монастыря "на всѣ четыре стороны по верстѣ, опричь мховъ и болотъ и глыбъ"**)

Великій князь Василій III Іоанновичь (1505—1534) своею грамотою даль Ондрусовской пустыни «милостыню" изъ своей казвы, пов'єлевая выдавать: «переступая чрезь два года на третій безволокитно» и вм'єсть съ этимъ воспрещаль нам'єстникамъ брать пошлины съ монастырскихъ ловцевь и тоней. Іоанъ же Грозный пожаловаль Ондрусовскому монастырю на Ладожскомъ озер'є рыбныя тони.

Всевозможные дары получали и другіе подвижники—Афанасій Сяндебскій, Александръ Ошевенскій, Александръ Свирскій, Корнилій Палеостровскій и др.,

И любопытно то, что чернецы въ монастыряхъ жили лишь тогда, когда тамъ всего было вдоволь и когда получались «дары» и награды.

Такъ въ Ошевенскомъ монастырѣ, когда скончался въ 1479 г. Александръ Ошевенскій, начались «нестроенія». Поступавшіе въ монастырь священники, клирики, монахи и міряне, поживъ тамъ недолго, уходили и уносили изъ монастырскаго имущества «кто что могъ». Все монастырское имущество было разграблено: съ разстройствомъ же хозяйства и оскудѣнія денежныхъ средствъ всѣ иноки, несмотря на объты нестяженія, разошлись. Остались лишь больные, да старики, которые не въ силахъ были уйти.*)

^{*)} К. А. Докучаевъ Басковъ. Строкина пустыня и ея чернецы.

^{**)} Ср. Житіе преподобныхъ отецъ Геннадія и Никифора Важеозерскихъ чудотворцевъ.

^{*)} Арх. Никодимъ Олонецкій патерикъ 1910 г.

Такимъ образомъ, примъняя современную намъ терминологію, всѣхъ-чернецовъ и монаховъ Обонежской пятины нельзя иначе назвать, какъ «буржуями» въ полномъ смыслѣ этого слова. Всѣ они проникнуты собственническими стремленіями и даже «во снѣ» оберегаютъ свою «собственность». Такъ, напр. когда одинъ монахъ отдалъ своему зятю монастырскую корову, то къ нему во снѣ явился Кириллъ Челмогорскій и сдѣлалъ строгое обличеніе (Арх. Никодим. Олонецкій патерикъ).

Такіе "чудеса" преподобныхъ съ особеннымъ удовольствіемъ разсматриваются въ разныхъ "житіяхъ", чтобъ показать отношеніе подвижниковъ къ огражденію "правъ собственности".

Поразительно, что русская исторія знаеть, лишь одно крупное имя изъ среды подвижниковь, отрицавшихъ право монастырей на земельныя владѣнія. Это имя—Нилъ Сорскій. Какъ настоящій подвижникъ духа онъ дѣйствительно и преимущественно развилъ жизнь въ скитахъ и всегда возставалъ всею силою души противъ монашескаго любостяжанія, въ какомъ бы оно видѣ не было: въ видѣ частной или общей собственности; иноковъ онъ никогда не готовилъ къ высшей духовной іерархіи, такъ какъ таковой никогда не признаваль; власть настоятеля была для него только нравственной*).

Недаромъ, проф. Ивановъ—Разумникъ называетъ Нила Сорскаго "интеллигентомъ" въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова.*)

Большинство же чернецовъ и монаховъ, подобно "Строкинскимъ". далеки были отъ той идеи, служению которой они себя посвятили.

Недаромъ въ Соловецкомъ монастырѣ на стѣнахъ галлереи, соединяющей церковъ съ жилищемъ архимандрита имѣются такія "изображенія". На одномъ, напр., видѣніе Пахомія, которому предсталъ огромный глубокій ровъ, наполненый преступными монахами: тутъ же сказаніе о послѣднихъ монахахъ, ставшихъ и лотолюбцами, славолюбцами и сребролюбцами". На другомъ изображеніи—крестъ съ распятымъ на немъ инокомъ, изображающій подвиги и искушеніе монастырской жизни: слѣва отъ инока—въ розовой юбкѣ и соломенной шлянкѣ какаято красавица, старающаяся соблазнить монаха, но монахъ не смотритъ на нее, такъ какъ онъ, гласитъ надпись "съ Христомъ срохияхся."**)

!... Но такъ ли это?

Не есть ли это только въ "изображеніи", въ дъйствительности же "любви всъ возрасты покорны."

^{*)} К. Случевскій. По съверу Россіи Ч. І. стр. 44.

^{*)} Ивановъ Разумникъ Исторія русской Общественной мысти Ч. І.

^{**)} К. Случевскій. По съверу Россіи Ч. 11 Стр 13—14

Въдь странно было бы въ самомъ дълъ представить монаха въ нъсколько иномъвидъ, напр. зъ видъ "амура" и притомъ "съ женщиной сроспяхся" Въдь такое "изображеніе" для всеобщаго поученія нельзя было бы вывъсить въ монастыръ.

Очевидно, здѣсь имѣется прозрачный намекъ на весьма распрестраненный среди монаховъ порокъ.

Въ этомъ отношении любопытно поучение извъстнаго подвижника корелъ Наума Соловецкато, умершаго въ 1853 г., который въназидание братии разсказывалъ, между прочимъ, о томъ, какъ онъ боролся съ "плотскими страстными влечениями":

"Разъ привели ко мнъ женщину, желавшую поговорить со мною. Не долго была моябесъда съ посътительницею, но страстный помыслъ напаль на меня и не даваль покоя ниднемь, ни ночью, и при томъ ни день, не два, а цълыхъ три мѣсяца мучился я въ борьбѣсъ лютою страстью. Чего не дълаль я? Не помогали и купанія снъговыя. Однажды послъ вечерни вышель я полежать на снъту. На бъду заперли за мною ворота обители. Что дълать? Я побъжалъ кругомъ ограды къ другимъ-третьимъ воротамъ: вездѣ заперто. Побѣжалъ въ кожевню, но и тамъ никто не живетъ. Я былъ въ одномъ подрясникъ и холодъ знобилъ меня до костей. Едва остался я живъ и чуть добрался до келліи. Но страсть не утихала..., "Только благодатію Божіей я обрѣлъ покой "*)

И это говорить подвижникь, у котораго, по словамъ арх. Никодима, «ноги знали только два пути: въ церковь и на послушаніе». Ктому же и бесёда его съ женщиной была очень кратковременной; результать же этой "недолгой" бесёды "три мъсяца снъговыхъ купаній,". Врядъ ли менъе стойкій чернець или монахъ, при болье продолжительной бесъдъсъ женщиной, могъ бы въ теченіи трехъ мъсяцевъ погружаться въ снъгъ и купаться зимою въ моръ, безъсоотвътствующей тренировки.

Очевидно, не мъщаетъ этимъ людямъ пригрозить словами благочестивыхъ старушекъ-,,Вотъ ужъ васъ Преподобные!"...

Таковы были "Обонежскіе" чернецы. Но не лучше было и "бълое" духовенство.

Въ деревняхъ священники никогда не говорили проповъдей; церковная служба состояла въ кажденіи ладономъ передъ иконами, да въ пъніи непонятныхъ для народа, въ особенности для корелъ, церковныхъ стиховъ.

Священниковъ всего больше занимали такіе вопросы: сколько надо зажигать свъчей при освященіи кутьи? Мэжно ли хоронить послъ заката солнца? какъ ходить съ образами-вокругъ церкви по солнцу или противъ солнца?

Можно ли брить усы и бороду? Въ этомъ и заключалась вся ихъ въра.

^{*)} Арх Никодимъ Старецъ с. Наум Соловецкій, подвижникъ корелъ 1910 г.

Недаромъ священникъ въ поговоркахъ и пословицахъ Олонецкихъ крестьянъ именуется постоянно «попомъ», «батькой», не внушающимъ никакого уваженія и играющимъ часто просто комическую роль.

«Попъ» какъ и вся прочая «духовная камиссія» чаще всего выводится съ чертами жадности, нечестности, простоватости и жестокаго обращенія съ подчиненными.

«За деньги и попъ пляшетъ»...

"Безменъ не попова душа-не возьме барыша»,-говорять Олонецкія поговорки.

Отъ народа не укрывалось и формальное отношение ,,духовной камиссіи" къ отправленію богослуженія, но особенно зло народъ высмънваеть исконный порокъ духовенства—пьянство.

Для характеристики же отношенія священника и прихода интересны пословицы: "каковъ попъ таковъ и приходъ", "што не мило, то попу въ кадило" и "съ кого и взять, какъне съ попа"

Взглядъ самого духовенства на степень трудности своего служенія отразился въ пословицѣ такъ: "Поповство-холопство, дьяконство-дворянство".*)

Но за то со стороны князей и царей духовенство, особенно высшее, пользовалось всегда большимъ почетомъ. Оно-любимое дѣтище почти

всѣхъ монарховъ. Духовенство-опора троновъ, а потому ему жилось недурно, съ водвореніемъ монархіи и въ «Обонежской пятинѣ» Извѣстно, что изъ 24 обителей, существовавшихъ въ то время, 17 возникли въ XVI вѣкѣ.

Не, то было съ народомъ.

Народъ попалъ лишь въ полное рабство и кабалу. Не дала монархія народу ни порядка, ни необходимаго «покоя» отъ безчисленныхъ внъшнихъ войнъ.

Извъстно, что въ 1556 г. Царь Іоаннъ IV, въ письмъ къ шведскому королю Густаву упрекалъ послъдняго за то, что люди его дълали «ужасныя неистовства» въ корельской землъ,—жгли, убивали и ругались надъ святынею.

Въ 1575 г. было заключено со швеціей перемиріе на два года, но уже въ 1579 г. Грозному пришлось посылать войско для защиты Кореліи отъ шведовъ. *)

А въ 1580—82 годахъ, во время русской войны съ Ливоніей и Швеціей, Олонецкій погостъ подвергся страшному опустошенію со стороны шведскихъ отрядовъ. Въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ 1583 года, въ описаніи Олонецкихъ деревень, постоянно встрѣчаются такія замѣтки: «хоромы сожгли и крестьянъ побили и въ полонъ поймали нѣмецкіе люди». **)

^{*)} Пам. Кн. Олон. Губ. на 1909 г. Н. Шайжинъ Олонецкій край (по даннымъ мъстнаго фольклора).

^{*) &}quot;Хронологическій указатель о корелахъ" Петра Коппена

^{**)} Олонецкій Сборникъ 1894 г. Е. Прилежаєвъ. Краткая Историческая записка объ Олонцъ.

Въ писцевов книгв Плещеева (1582 г.) при описаніи погостовъ, есть указанія, какіе изъ нихъ были опустошены Шведами. Мѣста эти слѣдующія: Введенскій Оятскій монастырь, Сермакса, Горскій погостъ на Свири, Свирскій монастырь (въ 1581 г.), Олонецъ (въ 1579 г.), Видлицы и монастырекъ на Сянзѣ (въ 1582 г.) Андрусовъ монастырь, Виркиницы, Важины, Ладра и Вознесенскій монастырь. ***)

Такимъ образомъ, не принеся съ собой ничего хорошаго для народа, монархія не смогла защитить народа и отъ внѣшнихъ войнъ.

Недаромъ, Олонецкій Крестьянинъ такъ усердно открещивался въ своихъ заговорахъ: «Поставь, Господи, около меня раба Божія; стѣну желѣзну, другу мѣдну отъ князя и боярина».

Должно быть показали они «мужику» свои "вубы и челюсти".

7) Смутное время въ Обонежской пятинъ.

"Грозный царь Иванъ Васильевичъ года за два съ чёмъ-нибудь до своей смерти, въ 1581 г., въ одну изъ дурныхъ минутъ, какія тогда часто на него находили, прибилъ свою сноху за то, что она, будучи беременной, при входъ свекра въ ея комнату оказалась слишкомъ запросто одътой, simplici veste induta, какъ объясняетъ

дъло іезуитъ Антоній Поссевинъ, прівхавшій въ Москву три мъсяца спустя послъ событія и звавшій его по горячимъ слъдамъ. Мужъ побитой наслъдникъ отцова престола царевичъ Иванъ вступился за обиженную жену, а вспылившій отецъ печально—удачнымъ ударомъ желъзнаго костыля въ голову положилъ сына на мъстъ. Царь Иванъ едва не помъшался съ горя по сынъ, съ неистовымъ воилемъ вскакивалъ по ночамъ съ постели, хотълъ отръчься отъ престола и постричься; однако, какъ бы то ни было, вслъдствіе этого несчастнаго случая преемникомъ Грознаго сталъ второй его сынъ царевичъ Федоръ». *)

Царевичъ Федоръ отъ природы былъ почти лишенъ разсудка и находилъ удовольствіе только въ духовныхъ предмѣтахъ; онъ часто бѣгалъ по церквамъ трезвонитъ въ колокола и слушатъ обѣдню. Отецъ горько упрекалъ его за это, говоря, что онъ больше похожъ на пономарскаго, чѣмъ на царскаго сына.

Но и этоть послёдній, «смиреніемъ обложенный» преемникъ Грознаго вскорё—въ январѣ 1598 года — умеръ. Послё него не осталось никого изъ Калитиной династіи, кто бы могъ занять опустѣвшій престолъ.

Въ Московскомъ княжествъ началась «смута», которая про юлжалась затъмъ 14—15 лътъ, съ 1598 но 1613 годъ.

^{***)} Олонецкій Сборникъ 1894 г. набъги шведовъ.

^{*)} В. Ключевскій. Курсъ Русской исторіи Ч. III.

Обстоятельства вызвавшія смуту, это—наслѣдственное и таинственное пресѣченіе старой династіи, но это,—по словамъ Ключевскаго, было лишь поводомъ на благопріять ой почвѣ, воздѣланной неприкрытыми безобраз ями опричнины.

«Опричнина, выводя крамолу, вводила анархію, оберегая государя, колебала самыя основы государства», —говорить нашь маститый историкь.

Не избъгла «смуты» и наша Обонежская пятина, но «смутные» дни начались въ ней уже тогда, когда въ Московскомъ Государствъ годы «лихолътія» приходили къ концу.

«Смутное время» пережито было въ Обонежской пятинъ главнымъ образомъ въ 1612—1614 г. г. и даже значительно позднъе.

Что же касается первыхъ 13 ссмутныхъ» лѣтъ, то о нихъ въ историческихъ актахъ Обонежской пятины никакихъ свъдъній почти не сохранилось.

Возможно, что въ эти годы «Обонежская пятина» была даже подчинена Шведамъ и финнамъ. Хотя по мирному договору 18 Мая 1595 г. Швеція и уступила Корельскую область Россіи, за которой она и была утверждена, но врядъли, послѣ пресѣченія династіи, Шведы не нарушили этого договора.

Есть свъдънія, что на Олонцъ шведы жгли и грабили села и деревни, забирали въ плънъ жителей и неволили ихъ даже «къ крестному

Обстоятельства вызвавшія смуту, это—надственное и таинственное пресѣченіе старой астіи, но это,—по словамъ Ключевскаго,— былъ подчиненъ Шведскому Королю.

Все же этотъ вопросъ, —вопросъ о владычествъ Шведовъ въ Обонежской пятинъ, — остается пока еще открытымъ. Этотъ досадный пробъль изъ бурной и кипучей, «смутной» жизни Олонецкаго края можетъ быть восполненъ лишь при изучени соотвътствующихъ страницъ изъ исторіи — Шведской и Финской.

Что касается самаго характера Обонежской «смуты», то нужно отмѣтить, что въ то время, когда въ Москвѣ разные общественные классы боролись за образъ правленія въ государствѣ и за его соціиальное переустройство, Обонежская пятина вынуждена была вести упорную борьбу за свою цѣлость и независимость.

Сначала пришлось вести борьбу со Шведами и финн ми, а затъмъ съ шайками—литовцевъ, поляков, казаков—запорожцевъ и татар, грабившихъ и опустошавшихъ «Обонежскій» край.

Эти шайки грабителей почти всю Обонежскую пятину прошли съ грабежами, пожарами, убійствами и насиліемъ.

Они забирали-хлъбъ, лошадей, коровъ, овецъ и выжигали цълыя деревни, дворы и гумна.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне вынуждены были даже скрываться въ лѣсахъ.

^{*)} Олонецкій Сборникъ 1894 г. Краткая Историческая записка объ Олонцъ.

Опустошеніямъ польскихъ, литовскихъ и з порожскихъ шаекъ подверглись всѣ нынѣшніе уѣзды: Вытегорскій, Олонецкій, Каргопольскій, Повѣнецкій, Петрозаводскій, Лодейнопольскій и Пудожскій.

Въ Каргопольскихъ волостяхъ было замучено и убито 2325 человъкъ

«Всѣ наши волости учинились пусты: никакого хлѣба нѣтъ» жаловались каргонольцы; «имущество пограблено, скотъ выбитъ; оставшимся въ живыхъ людямъ пить и ѣсть нечего». «Хлѣбъ на поляхъ вытравленъ, а молоченный и немолоченный вывезенъ въ непріятельскіе-станы.»*)

«Казаки и татарове, — говорится въ другомъ изъ современныхъ актовъ, — по волостямъ церкви Божіи сквернили, и съ образовъ оклады сымали, и крестьянишекъ изъ животовъ и изъ денегъ на смерть мучили и сѣкли».

Въ писцовых в книгахъ 1628-1629 г.г. Никиты Панина и подъячаго Копылова перечисляется въ нынъшнихъ уъздахъ Вытегорскомъ, Лодейнопольскомъ и Пудожскомъ больше 130 деревенъ и починковъ, отъ которыхъ послъ вражескаго нашествія ничего не осталось.

Отъ набъга Литвы пострадали также челмужскій и Кижскій погосты. */ Кром'в деревенъ опустошеніямъ подвергались и монастыри.

Въ 1612 году былъ разоренъ Польскими и Литовским «ворами»—Муромскій монастырь.

Въ томъ же году въ Палеостровскомъ монастыръ было выжжено 6 келлій; вмъсто прежнихъ 60 человекъ братіи осталось только 21.

«Въ несчастныя времена междуцарствія и Андрусовъ монастырь, несмотря на отдаленное свое положеніе, испыталъ на себѣ лютость враговъ нашего отечества: храмы Божіи въ немъ ограблены, иноки частію избиты, частію разогнаны». **)

Никифоровская же пустынь была сожжена поляками,—въ ней умерщвлено было до 95 человекъ братіи.

Внослъдствіи «съ трона» была оказана помощь Свирскому, Палеостровскому Никифоровскому, Яшезерскому, Ондрусовскому и, въроятно, другимъ монастырямъ.

Замъчательно то, что больше всего въ Обонежской пятинъ безчинствовали и неистовствовали казаки.

Въ историческихъ актахъ Обонежской пятины отмъчается «вандализмомъ» каждый ихъ шагъ.

«Всюду, гдѣ могли, черкасы землю пустошнли, города воевали, церкви Божіи оскверняли, людей мучили всякими муками и на смерть

^{*/} Пам. Кн. Олон. Губ. на 1904 г. Олонецкій край до образованія губерніи.

^{*)} Олонецкій сторникъ 1894. П. Митропольскийй. Смутное время въ народныхъ преданіяхъ и паметникахъ Олонецкой губерніи.

^{**)} Арх. Никодимъ. Олонецкій петерикъ 1910 г.

побивали, и по лъсамъ разгоняли, всякій животъ грабили, дворы и деревни жгли искот выбивали». *)

По свидѣтельству П. Митропольскаго.—**) въ Каргопольскомъ, Бѣлоозерскомъ и Новгородскомъ уѣздахъ казаковъ было около 40000.

Мѣстами однако шайкамъ грабителей, со стороны жителей оказывалось упорное сопротивленіе.

Такъ, въ заонежскихъ погостахъ—Толвуѣ и Шунгѣ были устроены укрѣпленные «остроги». Двѣ недѣли и три дня простояли здѣсь казаки безъ всякаго результата, Приблизившись же затѣмъ къ Олонцу, казаки были тамъ на голову разбиты.

Каргополь, составившій съ конца XVв,—со времени Іоанна III,—значительную крѣпость,— отъ которой сохранились до настоящаго еще времени признаки крѣпостного вала и старинная, московскаго образца, пушка,—въ эпоху московской смуты, благодаря своей крѣпости стойко боролся и отбилъ нѣсколько нападеній польскихъ, литовскихъ и заџорожскихъ шаекъ.*)

Въ 3-хъ верстахъ отъ деревни "Совдозеро,, Повънецкаго у., находится "Паново болото" въ которомъ, по преданію, потонули паны, загнанные въ него окрестными жителями. Нерѣдко даже отдѣльныя лица изъ крестьянъ уничтожали цѣлыя шайки грабителей. Такъ, сохранилось преданіе объ одномъ крестьянинѣ Петрозаводскаго уѣзда, который въ пучинѣ водопада "Кивача" потоциль цѣлую шайку «Литовцевъ», "Литовцамъ" нужно было переправиться черезъ рѣку Суну, нѣсколько повыше водопада. Захвативъ одного крестьянина съ лодкой, они силой заставили его перевезти ихъ черезъ рѣку. Крестьянинъ же,—гласитъ преданіе,—направилъ лодку въ быстроту рѣки, бросилъ весла въ воду, а за ними послѣдовалъ и самъ. Умѣя хорошо плавать, онъ благополучно достигъ берега, а шайка грабителей погибла въ водопадъ.

Подобный же случай произошель, по преданію, и въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, когда "панамъ" нужно было переѣхать изъ "Сегозера" въ "Выгозеро". Они тоже были потоплены однимъ крестъяниномъ, который самъ, однако, спасся.

Въ 12 верстахъ отъ Лодейнаго поля въ "Шаменскомъ" приходъ послъ разоренія поляками Александро—Свирскаго монастыря поляки были поголовно истреблены присвирскими крестьянами, причемъ въ избіеніи поляковъ принимали участіе и корелы. И теперь еще-въ Шаменскомъ приходъ показываютъ гору, на которой, по преданію, находится «Литовская могила».

Много погибло пришельцевъ—«пановъ», по преданію, и въ междоусобныхъ распряхъ.

Въ Каргопольскомъ увздв, близъ дер. Вол-

^{*)} Пам Кн. Олон. Губ. 1912 г. Н. Шайнинъ Заонежская заточница.

^{**)} Олонецкій Сборникъ 1894. П. Митропольскій. Смутное время въ народныхъ преданіяхъ н памятникахъ Олон Губерніи

^{*)} Д. Ягодкинъ Олонецкій край и его естественныя богатства 1897.

ково, указывають, "Рубежъ"—мъсто, гдв "паны" переръзали другь друга, а около дер. "Песчаное" есть "Паниха"—мъсто, гдв они другь друга перебили,

«Смутная» эпоха послужила богатой темой для множества самыхъ разнообразныхъ разсказовъ, обращающихся среди мъстныхъ жителей.

Во всѣхъ этихъ разсказахъ и народныхъ преданіяхъ враги фигурируютъ подъ названіемъ главнымъ образомъ—«пановъ» и «Литвы поганой».

Народное преданіе гласить, намъ о нападеніяхь враговь изъ Финляндіи и изъ за Ладожскаго озера, такъ и объ отраженіи ихъ, и даже указываеть мъста схватокъ и курганы, гдъ покоронены убитые въ этихъ схваткахъ.

И этотъ «гласъ народа»—преданіе—вполнъ подтверждается другими памятниками, — болѣе вещественными доказательствами этого нашествія иноплеменниковъ. Къ этимъ памятникамъ относятся-«курганы», "сопки" "литовскія" и «панскія» могилы.

«Курганы», "сопки" и "могилы"—это иначе насыпи, подъ грудой песку и камней которыхъ скрыты кости убитыхъ на поляхъ битвъ "пановъ" и "Литвы поганой".

Такихъ "кургановъ" и "могилъ" въ Олонецкомъ краѣ сохранилось очень много. Прежде всего отмѣтимъ уже упоминавшуюся выше "Литовскую могилу" въ Шаменскомъ приходѣ, Лодейнопольскаго уѣзда.

Въ Каргопольскомъ убздъ, въ Устьмошъ ука-

зываютъ "панскую могилу" а близъ дер. Поздышево, въ 24 вер. отъг. Каргополя, указываютъ "панское" кладбище.

Въ Пудожскомъ уъздъ, у деревни Стешевской сохранился такъ называемый "Литовскій" курганъ: Во время произведенныхъ здъсь въ 70-годахъ прошлаго стольтія раскопокъ въ немъ нашли кости и топоръ, имъвшій видъ алебарды.

Сохранились также ,,курганы" въ Повънец-комъ, Петрозаводскомъ и др. уъздахъ.

Народное преданіе при этомъ всегда отличаеть эти "курганы" и "могилы" отъ такъ называемыхъ "чудскихъ могилъ" о происхожденіи которыхъ мы уже говорили въ 3-главъ.

Курганныя мъста по словамъ Е. Барсова, до нынъслужатъ источникомъ разныхъ суевърныхъ сказаній: то слышится здъсь стонъ покойниковъ, который вторитъ завываніямъ весенней бури; то выходитъ наружу самъ мертвецъ, стоящій выше березъ, въ бъломъ саванъ, съ тоскливымъ лицемъ, обращеннымъ на мъсяцъ; то тотъ же покойникъ грозитъ казнію проходящимъ, если они не зароютъ костей его въ землю, вырытыхъ въ полъ сохою. Въ этихъ могилахъ лежитъ некресть—поганые люди.

Не меньшій интересъ, чёмъ «курганы», представляють для археолога и историка также и «городки» или «городища», т. е. мёста, кэторыя, по народному преданію, служили пріютомъ, гдё стояли и жили «паны». За этими искуственными укрёпленіями или, какъ ихъ называють современные акты, «острожками»-«паны» обыч-

но защищались отъ неожиданныхъ нападеній туземцевъ.

«Городки» или «городища» сохранились, между прочимъ, и до сихъ поръ—въ Лодейнопольскомъ, Пудожскомъ и Повънецкомъ уъздахъ.

Подлѣ же устья рѣки Олонки, въ одной верстѣ отъвиаденія ея въ озеро, видны остатки земляныхъ продолговатыхъ насыпей, которые можно признать за старинные валы и окопы. Около нихъ можно встрѣтить много человѣческихъ костей, а въ землѣ попадаются иногда шпоры, конскія удила, желѣзные трезубцы и другія вещи. По народному преданію, здѣсь было «поле битвы». Съ нашествіемъ въ «смутное» время на Олонецкій край поляковъ и другихъ шаекъ связывается также много разсказовъ и о такъ называемыхъ «кладахъ».

«Кладъ», это—зарытыя въ землю богатства, деньги и драгоцѣнности.

Заслыша о приближеніи враговъ, мѣстные жители естественно стремились припрятать подальше отъ грабителей свое добро, въ ссобенности деньги и драгоцѣнности, зарывая вхъ въ землю. Въ Свирскомъ, напр, монастырѣ, когда узнали о приближеніи шайки поляковъ были зарыты въ землю колокола.

Впрочемъ, большинство «кладовъ» о которыхъ въ народной памяти сохранились воспоминанія, принадлежатъ главнымъ образомъ «панамъ», которые обыкновенно всегда зарывали въ землю награбленное добро съ намъреніемъ взять его затъмъ «на обратномъ пути».

Преданіе гласить, что на Сегозерь, въ Повінецкомь увздів, ходившіе тами «паны» спрятали на «Сандів»—островів въ землюцівлую бочку съ деньгами.

Неръдко, однако, владъльцы зарытаго впослъдствіи погибали и сокровища навсегда оставались въ землъ.

Бывали случаи, что затъмъ когда—нибудь эти «клады» обнаруживались, какъ напр, въ дер. Лемъ, по преданію одинъ крестьянинъ вытащилъ сохой изъ земли, на полѣ, одинъ котелъ съ деньгами, что конечно всегда служило для народной фантазіи богатымъ матеріаломъ для всевозможныхъ сказаній о «кладахъ».

Вотъ откуда, между прочимъ и произошло это магическое слово «кладъ», о которомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе такъ много разсказываютъ Олопецкіе крестьяне*).

Тенерь, подводя итоги всему, о чемъ говорять намъ сохранившіеся въ Олонецкомъ крав памятники, народныя преданія, разсказы и историческіе акты, —мы приходимъ, къ выводу что единственный изв'єстный намъ историческій путь, пройденный населеніемъ Обонежской пятины, былъ-путь, упорно проложенный среди безпощадной между—племенной борьбы.

Всв почти историческія свъдънія только и говорять о внъшнихъ войнахъ, нашествіяхъ, на-

^{*)} Олонецкій Сборникъ 1894 г. П. Митропольскій. Смутное время въ народныхъ преданіяхъ и памятникахъ Олонецкой Губерніи.

паденіяхъ, грабежахъ и вообще почти ысключительно о внѣшнихъ проявленіяхъ этой междуплеменной борьбы.

Кажется, что это и, дъйствительно, была «смута», · навъянная извнъ, а не «революція», начатая извнутри.

Однако, исторія учить, что даже въ самыя смутныя эпохи международной борьбы и политическихъ измѣненій, въ періодъ самаго неустойчиваго «положенія вещей» въ государствѣ, внутренняя жизнь народа никогда не прекращается, никогда не прекращается его бытовое и экономическое развитіе.

Поэтому отмѣтить внутреннюю сторону «смуты», опредѣлить участіе въ ней самыхъ широкихъ народныхъ массъ и указать тѣ лозунги, которыми они руководились, представляетъ первостепенную задачу каждаго историка.

Изъ исторіи общероссійской мы знаемъ, что въ Московскомъ Государствѣ «смута», начавшаяся борьбой за образъ правленія, т. е. за политическое переустройство Государства,—свелась затѣмъ къ усобицѣ общественныхъ классовъ, боровшихся за различныя политическіе и соціальные интересы, т. е. къ борьбѣ за соціальное переустройство Общества.

Такой характеръ уже революціи, «смута» приняла тогда, когда за начавшими «смуту» боярами поднялся общественный низъ,—низшіе классы.

Нашелся тогда и человѣкъ, поднявшій знамя соціальной борьбы.

То быль Болотниковь, человѣкъ бывалый и отважный, испытавшій и турецкую каторгу и плѣнъ татарскій.

Знаменитый русскій историкъ Ключевскій такъ рисуетъ эту борьбу «низшаго класса» съ «высшимъ» и «худыхъ» людей съ «добрыми», какъ ихъ тогда называли,

«Движеніе, поднятое дворянами, Болотниковъ повелъ въ глубь общества, откуда самъ вышель, набирая свои дружины изъ бъдныхъ посадскихъ людей, бездомныхъ козаковъ, бъглыхъ крестьянь и холоповъ, --- изъ слоевъ, лежавшихъ на днъ общественнаго склада, и направлялъ ихъ противъ воеводъ, господъ и всъхъ власть имущихъ. Поддержанный возставшими дворянами южныхь уёздовъ, Болотниковъ со своими сбродными дружинами побъдоносно дошелъ до самой Москвы, не разъ побивъ царскія войска. Но здёсь и произошло раздёленіе этихъ на минуту и по недоразумѣнію соединившихся враждебныхъ классовъ. Болотниковъ шелъ напроломъ: изъ его лагеря по Москвъ распространялись прокламаціи, призывавшія холоповъ избивать своихъ господъ, за что они получать въ награду женъ и имѣнія убитыхъ, избивать и грабить торговыхъ людей; ворамъ и мощенникамъ сбъщали боярство, воеводство, всякую честь и богатство. Прокопій Ляпуновъ и другіе дворянскіе вожди, присмотръвшись, съ къмъ они имъють дъло, что за народъ составляетъ рать Болотникова, покинули его, передались на сторону царя Василія и облегчили царскому войску пораженіе

сбродныхъ отрядовъ. Болотниковъ погибъ, но его попытка всюду нашла откликъ: вездѣ крестьяне, холопы, поволжскіе инородцы— все бѣглое и обездоленное поднималось за самозванца. Выступленіе этихъ классовъ и продлило смуту, и дало ей другой характеръ. До сихъ поръ это была политическая борьба, споръ за образъ правленія, за государственное устройство. Когда же поднялся общественный низъ, смута превратилась въ соціальную борьбу, въ истребленіе высшихъ классовъ низшими»..

«Болотниковъ призывалъ подъ свои знамена всѣхъ, кто хотѣлъ добиться воли, чести и богатства»..

«Тогда всюду обнаруживалось рѣзкое соціальное р ізъединеніе, всякій значительный городъ сталъ ареной борьбы между низом и верхомъ общества; повсюду «добрые», зажиточные граждане говорили, по свидѣтельству современника, что лучше ужь служить королевичу, чѣмъ быть побитыми отъ своихъ холопей или въ вѣчной неволѣ у нихъ мучиться».*)

Таковъ былъ въ Москвѣ ходъ смуты, приведшій вскорѣ къ вэзстановленію монархіи.

Возвращаясь къ изложенію «Обонежской смуты», приходится константировать, что «обонежанами» главное и преимущественное свое вниманіе было направлено къ борьбъ съ внъшнимъ врагомъ, хотя есть историческія свъдънія,

указывающія и на признаки «соціальной» борьбы.

Было ли это вполнѣ самостоятельное движеніе, или же движеніе, вызванное брошенными въ народныя массы лозунгами Болотникова съ призывомъ къ «волѣ, чести и богатству»,— сказать трудно. Однако, фактъ наличія въ Обонежской пятинѣ признаковъ «соціальной борьбы» неоспоримъ.

Намъ извъстно, что въ 1612 году въ Муромскомъ монастыръ, во время разоренія его польскими и литовскими шайками, были уничтожены «жалованныя и межевыя грамоты и всъ монастырскія кръпостныя дъла».

«Вслъдствіе этого, крестьяне Никольскаго, Андомскаго и Пудожскаго погостовъ насильствомъ завладъли монастырскою землею и водами, потому что у строителя съ братіей не было межевыхъ грамотъ».*)

Нъчто подобное происходило и много раньше—въ 1479 г., т. е черезъ годъ послъ паденія Новгорода, и въ Ошевенскомъ монастыръ; тамъ, послъ смерти Александра Ошевенскаго, земельныя монастырскія владънія стали расхищаться сосъдними крестьянами**)

Уже сопоставление этихъ двухъ фактовъ говоритъ за то, что крестьяне ясно сознавали

^{*)} Проф. В. Ключевскій. Курсъ Русской Исторіи 19127 ІІІ стр. 56-58.

^{*)} Олонецкій Сборникъ 1886 Н. Пєтровъ Муромскій монастырь.

^{**)} Арк. Никодимъ Олонецій. патерикъ 1910 г.

ту соціальную несправедливость, гнетъ которой они на себъ испытывали и всякій разъ, когда начиналась «смута» тотчасъ же возникали аграрныя волненія, выливавшіяся въ расхищеніе монастырскихъ земель, незаконно и несправедливо присвоенныхъ «чернецами»

Эти волненія еще болѣе, надо полагать, увеличивались тогда потому, что «черные вороны» —монахи, люди «не отъ міра сего», преслѣдовавшіе больше всего свою голую, ничѣмъ не прикрытую корысть и наживу, часто получали отъ царей и князей въ подарокъ въ качествѣ рабовъ живыхъ людей, которыхъ затѣмъ и закрѣпощали.

И мы знаемъ, какъ Муромскіе монахи сокрушались, что среди межевыхъ и жалованныхъ грамотъ были уничтожены и «крѣпостныя дѣла» ставивщіе ихъ прежде въ отношеніе крѣпостныхъ крестьянъ на положеніе «господъ» помѣщиковъ.

И нътъ сомнънія, что эти «господа» никогда не могли имъть ничего общаго со своими «рабами», всегда пытавшимся сбросить иго «черныхъ вороновъ».

Такимъ образомъ несмотря на свою упорную борьбу съ внёшними врагами, внутренняя жизнь народа въ Обонежской пятине все же не прекращалась.

Уже тогда дълались первые понытки разръшить больной «соціальный» вопросъ. Народъ обогатился и новыми политическими идеями. «Какъ въ бурю листья на деревьяхъ повертываются изнанкой, —говоритъ историкъ Ключевскій, —такъ смутныя времена въ народной жизни, ломая фасады, обнаруживаютъ задворки, и при видъ ихъ люди, привыкшіе замъчать лицевую сторону жизни, невольно задумываются и начинаютъ думать, что они доселъ видъли далеко не все»...

«это печальная выгода тревожныхъ временъ: они отнимаютъ у людей спокойствіе и довольство и взамѣнъ того даютъ опыты и идеи»...

«Народные перевороты, это —лучшая, хотя и тяжелая школа политическаго размышленія».

Этимъ объясняется обычное явленіе—усиленная работа политической мысли во время и тотчасъ послъ общественныхъ потрясеній»...

Извъстно, что московскіе люди до «смутнаго времени» чувствовали себя,—по словамъ Ключевскаго,—какъ будто, пришельцами въ своемъ же государствъ или, какъ бы случайными временными обывателями въ чужомъ домъ; когда имъ становилось тяжело, они считали возможнымъ бъжать отъ неудобнаго домовладъльца, но не могли освоиться съ мыслыю о возможности возставать противъ него или заводить другіе порядки въ его домъ.

«По отношенію къ парю всѣ его подданные считались холопами, дворовыми его людьми, либо сиротами, безродными и безпріютными людьми, живущими на его землѣ»...

«Изъ за государя тогда не замъчали госу-

дарства и народа и скорѣе могли представить себѣ государя безъ народа, чѣмъ государство безъ государя»...

Въ «смуту» же они опытомъ убъдились, что государство, по крайней мъръ нъкоторое время можетъ быть безъ государя, но ни госусударь, ни государство не могутъ обойтись безъ народа.

Они видъли, какъ падали цари, за которыхъ не стоялъ народъ, видъли, какъ государство, оставшись бевъ государя, не распалось, а собралось съ силами и вновь создалось.

«Если вникнуть въ сущность и значеніе этой мысли и припомнить. какъ туго даются людямъ новыя политическія понятія, то можно предвидіть, что такой переломъ въ умахъ нее могъ пройти безслідно».

И дъйствительно, «смута» впервые и глубоко тронула застоявшееся политическое сознание
тогдашнихъ москвичей, давъ больно почувствовать имъ, насколько народные умы отстали отъ
задачъ, нежданно и грозно постановленныхъ
стихійнымъ ходомъ народной жизни. Въ Смуту
общество, предоставленное самому себъ, поневолъ пріучалось дъйствовать самостоятельно и
сознательно, и въ немъ начала зарождаться
мысль, что оно, это общество, народъ, не политическая случайностъ, какъ привыкли чувствовать себя московскіе люди, не пришельцы, не
временные обыватели въ чьемъ-то государствъ,
но что такая политическая случайность есть
скоръе династія: въ 15 лътъ, слъдовавшихъ за

смертью паря Федора, сдълано было четыре неудачныхъ опыта основать новую династію и удался только пятый».*)

Нельзя сказать, чтобы и пятый опыть быль удачень.

Нѣтъ сомивнія, что «Обонежане», предоставленные самимъ себѣ скорѣе предпочли бы Новгородскій «вольный строй» и тѣ порядки, которые въ ней когда-то царили, но немимосердный рокъ исторіи преподнесъ нѣчто совсѣмъ другое, не имѣвшее ничего общаго съ «вѣчевымъ» укладом жизни.

Подъ давленіемъ центра «Обонежская пятина» стала снова монархической.

Пора «народныхъ собраній» была надолго отложена.

Но революціонный набать Новгородскаго «вѣчевого» колокола никогда не переставаль звучать въ воспоминаніяхъ пріонежскихъ жителей, всегда готовыхъ высоко поднять и стойко отстаивать знамя съ своимъ вѣкогыхъ боевымъ кличем «вся власть всему народу».

Владимірг Ягодкинг.

КОНЕЦЪ І-Й ЧАСТИ.

^{*)} Праф В. Ключевскій курсъ Русский исторіи, часты III 1912 г.

БИБЛІОГРАФІЯ.

При изученіи Одонецкаго края, какъ въ его прошдомъ, такъ и современномъ состояніи, важно ознакомиться со сдъдующими трудами:

«Олонецкая Губернія», Статистическій справочникъ, 1913 г. 347 стр., 22 діаграммы. Изданіе статистическаго Бюро Олонецкой Губернской Земской Управы. — Эта, хорошо изданная книга, состоить изъ 14 главъ, въ которыхъ послѣ общаго геоографическаго очерка губерніи читатель найдеть интересныя и подробныя свъдънія о населеніи, промыслахъ крестьянъ, о торговлъ и промыденности, путяхъ сообщенія, о землевладіній и землеустростві, лѣсномъ хозяйствѣ, земледѣліи и животноводства, кооперативныхъ учрежденіяхъ и крестьянскихъ бюджетахъ, о земствахъ и городахъ. Настоящая книга должна стать настольной книгой для каждаго мъстнаго общественнаго дъятеля.

«Естественныя и экономическія условія рыболовнаго промысла въ Олонецкой губерніи» 1915 г., 438 съ статистическими таблицами. Изданіе Олонецкаго Губерскаго Земства.

Въ этой, прекрасно изданной книгъ, подробно разсматриваются—географическое положение и

естественныя условія губерніи. климать и водная поверхность, харантеристика озеръ, ихтіофауна озеръ и рѣкъ, рыболовство и значеніе его въ экономической жизни мѣстнаго населенія.

А. Иностранцевъ. Геологическій очеркъ Повънецкаго убзда Олонецкой губерніи. 1877 г. 728 стр., съ 2 хромолитографир ванными таблицами и двумя картами—орографической и геологической, съ 34 гравюрами въ текстъ.—Кромъ высокаго научнаго интереса, сочиненіе Иностранцева имъетъ важное значеніе, какъ для успъха развитія горнаго дъла, такъ и для изученія вопросовъ, касающихся соединенія Бъломорскаго и Балтійскаго бассейновъ.

И. Харузинъ. Русскіе Лопари. 1890 г., 472 стр.—Начинаясь очеркомъ страны русскихъ лопарей и историческими свъдъніями о нихъ, эта книга исчерпываетъ всъ стороны прошедшаго и современнаго быта лопарей—ихъ религію и върованія, семейный и общественный бытъ, также лопарское народное творчество.

В. Харузина. На сѣверѣ.—Вальшая часть этой книги содержить интересный разсказъ путевыхъ впечатлѣній объ Олонецкой губернін и преимущественно Пудожскаго уѣзда; въ характерныхъ чертахъ описывается, какъ внѣшній, такъ и внутренній бытъ нашихъ поселянъ,

Жилиже, одежда, пища, наружность, харак. теръ. религіозныя представленія и в'єрованіяобычаи и обряды, окружающая природа—все это образцово воспроизведено въ трудѣ г-жи Харузиной, представляющемъ живой этнографическій интересъ.

Г. Куликовскій. Изъ общинно—артельной жизни Олонецкаго края. 1897 г., 115 стр.— Въ этой интересной книгъ описываются Олонецкія артели—крючниковъ калъкъ и нищихъ, ремесленныя артели, артели рыбаковъ и охотниковъ, артели лъсного промысла, морскія запашки, помочи, печебитья, супрядки, артельныя пирушки и посидълки, общественные пиры и поминки, торговыя артели, а также артели по перевозкъ клади и пассажировъ.

С. Совътовъ. Онежское озеро (опытъ физико-географической монографіи). 1917 г., 164 стр. съ картой Онежскаго озера. Въ работъ Совътова разсматриваются—морфологія озера, климатъ, температура воды озера, уровень, ледяной покровъ его и магнитныя наблюденія на озеръ.

И, Оленевъ. Корельскій край и его будущее въ связи съ постройкою Мурманской жельзной дороги. 1917 г., 172 стр. съ 134 рисунками — Взявъ въ качестаъ руководящей инти замъчательнъйшій намятникъ, финской народной поэзін, сборникъ рунъ (пъсенъ). — «Калевалу», авторъ съ искуснымъ мастерствомъ рисуетъ бытъ и нравы корелъ, а также ихъ промыслы и занятія. Отдъльная же глава Х книги посвящена исторіи возникновенія Мурманской жельзной дороги и ея значенія.

«Калевала», — Сборникъ финскихъ пъсенъ.

Переводъ Л. Бѣльскаго. Изданіе Сабашниковыхъ 1915 г., съ объясненіями и краткимъ содержаніемъ рунъ въ прозъ. «Калевала» -- финскій народный эпосъ, имбеть следы глубокой древности и изображаетъ все міросозерцаніе финновъ и родственныхъ имъ кореловъ, всъ ихъ бытовыя черты, положение женщины, семейныя отношенія, обычаи обстансвку, одежду и пр. Безграничная фантазія проходить красной нитью чрезъ всю «Калевалу». Полные переводы «Калевалы» имбются на 9 языкахъ: русскомъ, шведском, англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ, эстонскомъ, венгерскомъ, чешскомъ, а частичные переводы главныхъ рунъ-на 14 языкахъ, при чемъ значительная часть рунъ переведена даже на японскій и древне-еврейскій языки, что служить яркимъ показателемъ, что Калевала занимаетъ выдающееся мъсто среди мировой литературы и можеть быть приравнена къ Иліадъ и Одис. сев Гомера. — Для двтей можно рекомендовать на русскомъ языкъ изданіе А. Ступина съ рисунками Н. Живаго.

К. Случевскій. По сѣверу Россіи, 1886 г., 500 стр. съ 65 рисунками.—Книга составлена изъ корреспонденцій о путешествіяхъ вел. кн. Владиміра Александровича и великой кн. Маріи Павловны въ 1884—85 г. г. по сѣверу Россіи. На ряду съ характеристикой и описаніемъ другихъ мѣстъ и городовъ маршрута слѣдованія великаго князя, сдѣланы также историко географическія описанія—Вытегры, Петрозаводска,

Модейнаго-поля, Вознесенья, Онежскаго озера, Соловковъ, Колы, Кеми, Мурманска и Мурманскихъ гаваней, а также описаніе историческихъ достопримѣчательностей края и быта корель, лопарей, поморовъ и ихъ върованій.

М. Круковскій. По родному съверу. Разсказы по родиновидънію. 1914 г. Съ 27 рисунками, 199 стр. — Въ настоящемъ соорникъ описанію Олонецкаго края удълено — 9 разсказовъ. Въ нихъ читатель найдетъ интересное описаніе одинокаго житья бытья на такъ наз. знмовьяхъ. («Вътростникахъ»), ловли жемчуга въ нъкоторыхъ ръкахъ Олонецкой губерніи. («За дорогимъ зерномъ)», описаніе страшныхъ бурь «съдого дъда Онего» («Въ плъну у волнъ») и ужасныхъ метелей въ суровыя зимы («Груняха — почтальонъ)», картины бурлацкой жизни (На баркахъ и плотахъ)» и др. Разсказы написаны живо и читаютсо легко и охотно.

Д. Ягодкинъ. Олонецкій край и его естественныя богатства, 1897 г., 236 стр.—Въ этой книжкѣ можно найти кромѣ описанія городовъ Олонецкой губерніи, краткій историческій обзоръ культуры въ краѣ до импер. Александра ІІІ включительно, указаніе на естественныя богатства въ краѣ, а также описаніе рѣкъ, озеръ, сунскихъ водопадовъ и цѣлебныхъ водныхъ источниковъ.

Вл. Введенскій. Водопадъ кивачъ и путь къ нему. 1910 г., 63 6 стр., съ снимками, иланомъ г. Петрозоводска и маршрутными планами.—Кромѣ Кивача описаны также водопады—Поръ-Порогъ и Гирвасъ.

Н. Шайжинъ. Олонецкіе водопады: Кивачъ, Поръ-Порогъ и Гирвасъ въ описаніяхъ туристовъ. 1907 г., 58 стр., съ 14 фотографіями водопадовъ.—Книжка выгодно отличается тъмъ, что указана литература вопроса.

Н. Шайжинъ. Олонецкій край (по даннымъ мъстнаго фольклора). Пам. Кн. Олон. Губ. 1908-9 г.—Въ статьъ разсматриваеться, между прочимъ, общественный бытъ Олончанъ, пережитки—языческаго міровоззрънія, фетишизма, анимизма й т. д.

E. Барсовъ. Объ Олонецкихъ древностяхъ. Олонецкій Сборникъ 1894 г.

П. Митропольскій. Смутное время въ народныхъ преданіяхъ и памятникахъ Олонецкой губерніи. Олонецкій Сборникъ 1894 г.

А. Энгельгардть. Русскій Стверь.

«Путеводитель по Финляндій», подъ редакціей Карелина. Продается въ Петроград'ь, кн. складъ Суворина.

М. Островская. Земельный быть сельскаго населенія русскаго с'ввера въ XVI—XVIII в'є-кахь 1913 г.

В. Боголюбовъ. Экономическій быть крестьянь сѣвернаго края по крестьянскимъ наказамъ въ Екатерининскую законодательную комиссію 1767 года. Ученыя записи Импер. Казан. Универ. 1913 г. 8 стр. 65—120.

В. Семевскій. Волненія крестьянь, приписанныхь къ Олонецкимъ заводамъ въ 1761— 1779 г. Олонецкій Сборникъ 1902 г. И. Кищенко. Аграрный вопросъ въ современной постановкъ и значение его для русскаго съвера 1917 г. 25 стр.—Докладъ Съверному Областному Союзу представителей Земельныхъ Комитетовъ въ г. Вологдъ 25 октября
1917 г.

Ив. Соловьевъ. Олонецкіе крестьянскіе лѣса 1916 г., 39 стр. Изданіе статистическаго Бюрь Олонецкой Губернской Земской Управы.

А. Гильфердингъ. Сборникъ былинъ и побывальщинъ. Вътрехътомахътруды А. Гильфердинга изданы академіей наукъ съ подробной біографіей изслъдователя.

«Мурманская жельзная дорога». 1916 г. 20 4 стр. Съ 83 рнс. и съ прекрасной картой съверной части Европ. Россіи съ обозначенной на картъ Мурманской жельзной дорогой. Изданіе управленія по постройкъ Мурманской жел. дор. В книгъ содержится историческій очеркъ развитія иден жельзно-дорожнаго пути на Мурманъ, прежніе проэкты и изысканія, примыканія и сообщенія съ другими путями: морскими, желъзно-дорожными и внутренными водными, борьба съ препятствіями и общій обзоръ препятствій, краткій геологическій очеркъ района Мурманской жел. дороги, географическій и историческій обзоръ Мурмана, Поморья и Олонецкой губерніи, ихъ современное экономическое положеніе, м'єстное и государственное значеніе новой магистрали и необходимыя мфропріятія для развитія производительныхъ силъ Мурмана. В. книгъ имъется указатель источников.

А. Жилинскій. Морскіе промыслы Бѣлаго моря и Ледовитаго Океана 1917 г., 148 стр., также съ картой Мурманской жел. дороги. Изданіе управленія по построїкѣ Мур. жел. дор. Въ книгѣ сдѣланъ краткій обзоръ нашей внѣшней торговли продуктами рыболовства, а также опасаны Морскіе рыбные и звѣриные промыслы на Сѣверѣ Россіи и указанъ рядъ мѣропріятій для развитія морскихъ промысловъ на Мурманѣ. Къ книгѣ приложенъ указатель источниковъ.

Журналъ «Извъстія общества изученія Олонецкой губерніи». Журналь издавался съ 1913 г. но 1917 г. и ставилъ цълью изучение Ол. края преимущественно въ отношенія историческомъ, географическомъ, естественно-научномъ, бытовомъ, культурномъ и экономическомъ. Журналъ прекрасно издавался и имбетъ глубокій интересъ для каждаго, интересующагося жизнью Олонецкаго края. Въ журналѣ имѣется Отдѣлъ библіографін съ библіографическимъ указателемълитературы, им'вющей отношение къ Олонепкому Краю. При Обществъ имълся научный, этнографическій, естественно-историческій и археологическій музей, нынъ находящійся въ въдъніи Олонецкаго Тубернскаго Комиссаріата Народнаго Просвъщенія. Нарело-финская База В Я-на.

• Анадемии Назу СССР

БИБЛИОТЕКА

Оглавленіе.

Вступление
Глава І. Разселеніе славянскихъ племенъ. 1— Первоначальная родина славянъ и передвиженіе ихъ въ предѣлы нын. Россіц. Столкновеніе русскихъ съ финнами. Оттѣсненіе финновъ на сѣверъ. Племенной составъ населенія Олоніи в цифрахъ.
Глава II. Олонецкій край въ доисторич. время 3— Неолитическое поселеніе у новой ладоги. Археологическія находки и первобытный человѣкъ въ Олоніи.
Глава III. «Корелія» или «Киріоландія» 7—2 « Первоначальные обитатели Олонецкаго края: лопари, самоёды, чудь и корелы. Ихъ характеристика. Сборникъ, финскихъ иъсенъ «Калевала» и корелы.
Глава IV. Обонежская пятина «и Господинъ Великій Новгородъ»

Глава V. Первые русскіе колон. въ «Кор.». 36—59
Новгородская колонизація и «обонежскій рядь». Первые русскіе колонизаціонные пункты въ «Кореліи». Піонеры колонизаціи. Торговля въ «Кореліи» Крещеніе Корель и первые «обонежскіе» подвижники.
вижники.